

БИБЛИОТЕКА

ОГОНЁК

№ 28

1967



Лев САМОЙЛОВ, Михаил ВИРТ

ИГРА С ТЕНЬЮ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА» МОСКВА

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 28

Лев САМОЙЛОВ, Михаил ВИРТ

ИГРА С ТЕНЬЮ

Издательство «ПРАВДА»

Москва. 1967

Н а о б л о ж к е: рисунок художника Е. Шукаева.

Лев Самойлов, Михаил Вирт

ИГРА С ТЕНЬЮ

Редактор — **П. КРАВЧЕНКО.**

А 00425. Подписано к печати 31/VII 1967 г. Формат бум. $70 \times 108^{1/32}$.
Объем 2,10 условн. печ лист. Тираж 111 700 Изд № 1527.
Заказ № 1778. Цена 6 коп.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Глава 1

БЕДА

Это началось с телефонного звонка. Старший лейтенант милиции Митин писал рапорт об отпуске и не спеша потянулся к трубке.

— Дежурный по отделению...— начал Митин. Однако то, что он услышал, сразу же сняло медлительность.— Сейчас... подождите, записываю... Ново-Ладыженский переулочек? Мухин... Это что, фамилия убитого? Понятно, записал. У себя в комнате? Кто, кто? Повторите... Молодой человек... Фамилия? Неизвестна. Ясно! Высылаю опергруппу. Кто передал? Постовой Никифоров. Есть, товарищ Никифоров.

После отбоя Митин позвонил домой начальнику отделения майору Колесникову.

Трубку взяла жена майора Анна Сергеевна.

— Сережа, тебя,— недовольно протянула она, и Митину почему-то стало неудобно.

— Слушаю, товарищ Митин. Где? Вот, черт возьми, как воскресенье, обязательно что-нибудь должно случиться! Мухин? Не знаю такого. Ладно, выезжаю. Сообщите дежурному по управлению... Аня, китель!

И понеслись по телефонным проводам скупые телеграфные фразы о чрезвычайном происшествии, нарушившем покой доселе тихого Ново-Ладыженского переулка.

А через полчаса на место происшествия прибыла оперативная группа уголовного розыска, медицинский эксперт, проводник с собакой, сотрудники научно-технического отдела с фотоаппаратами и осветительными приборами. Последним приехал следователь прокуратуры Николай Петрович Куликов, высокий, большелобый, неторопливый и малоразговорчивый.

В доме кипела работа. Осмотр, фотографирование. Овчарка несколько раз ткнулась мордой в окно, обнюхала подоконник, потянула в коридор, вернулась обратно, сунулась в один, другой угол — все напрасно: следы смешались. Слишком много людей

перебывало здесь, слишком густой, сильный дождь лил последние полтора часа. Притомившись, собака легла возле проводника и жалобно заскулила.

Однако неудачи пса не обескуражили Куликова. Осторожно опрашивая людей, живущих по соседству, следовательно к полноте располагал первоначальными, так сказать, частичными сведениями о возможном преступнике и вероятных мотивах преступления.

В доме Мухина царил неопиcуемый хаос. Дочь покойного Марина в эти первые часы пришедшей беды была почти невменяема. Она то и дело рвалась в комнату, где лежал отец, плакала навзрыд и ломала руки. Ее удерживала соседка по квартире, приносила воду, смачивала полотенца.

— Я виновата, одна я! Прости, папа...— причитала Марина.

Конечно, о неторопливом допросе Марины не могло быть и речи, но из обрывков разговора, из того, что впопыхах рассказывала соседка Клавдия Ивановна Капитонова, Куликову становилось все более ясно, что же произошло в этот вечер.

Да, Капитонова слышала в комнате Мухина громкие голоса, брань, крик «убивают», видела убежавшего дружка Марины Андрея Зотова.

Клавдия Ивановна не сомневалась, что Мухин был убит Зотовым.

— Посудите сами, товарищ следователь, ссора между ними произошла, старик несдержанный, ругал Андрея, ну, тот и... В общем, убедитесь сами...

Где живет Андрей Зотов, Клавдия Ивановна не знала.

Позднее, ночью, Николаю Петровичу удалось поговорить с Мариной. Прерывая свой рассказ слезами и долгими паузами, Марина поведала о сегодняшней поездке с Андреем в Быково. Во время прогулки Андрей снова настаивал на женитьбе, и снова она отказалась, ссылаясь на несогласие отца. Андрей пришел в ярость, стал выкрикивать угрозы, проклятия. Он вообще неуравновешенный какой-то, заявил, что убьет отца. Конечно, из-за этого они сильно поссорились, и она ушла.

— Я не придавала значения его угрозам. Он же должен был понять, что если поднимет руку на папу, то между нами вообще все будет кончено.

И снова слезы заливали опухшее, в красных пятнах лицо.

— Скажите, почему отец не соглашался на ваш брак с Зотовым?

— Папа — человек старых правил. По его понятиям, муж должен быть совсем другим, не таким, как Андрей. Но я и сама не собиралась выходить за него замуж.

— Вы ему об этом говорили?

— Нет.

— Значит, Зотов считал, что единственным препятствием является ваш отец?

— Да.

— Когда Зотов расстался с вами в Быкове, он был сильно взволнован?

— Да.

— Какие угрозы он выкрикивал в адрес отца?

— «Я его убью, таких людей надо уничтожать...» Да разве все запомнишь!

— От кого вы узнали, что отец убит Зотовым?

— Соседка по квартире сказала. Она все слышала.

Марина постепенно успокаивалась. Обстоятельно отвечая на вопросы, она вспомнила, что свидетелем их ссоры в Быкове был официант летнего кафе «Отдых», обслуживавший их столик.

Сообщив милиции сведения о свидетеле ссоры, а также адрес Зотова — он был у Марины, — Куликов отдал распоряжение доставить того и другого завтра к десяти часам утра в прокуратуру.

— Не исключено, — предупредил Куликов, — что Зотов попытается скрыться от следствия, поэтому как можно скорее найдите его.

В четвертом часу ночи следователь уехал домой.

В квартире еще оставались оперативные работники. Мужчина лет пятидесяти, среднего роста, с одутловатым лицом человека, мало бывающего на свежем воздухе, стоял неподвижно на пороге комнаты и, засунув руки в карманы «болоньи», прислушивался к шумевшему за окном мелкому дождю. Рядом стоял молодой человек.

— Товарищ подполковник, — почтительно проговорил он, — только что уехал следователь прокуратуры.

— Знаю, — не меняя позы, отозвался тот, кого называли подполковником, — он и со мной тоже простился.

— Следователь сказал, что ему обстановка ясна и что, судя по всему, дело удастся закончить в несколько дней.

— Хвала и честь! А к чему он, в сущности, все это говорит? Молодой человек смутился:

— Не знаю. Возможно, считает, что наша миссия окончена.

— А ваше мнение, товарищ старший лейтенант?

Несколько секунд молодой человек словно раздумывал, с чего начать, наконец признался:

— Если по совести, Федор Георгиевич, странными мне кажутся мотивы преступления.

— Мне тоже, если по совести, — в тон ему ответил подполковник, — убить отца невесты только потому, что тот не дает со-

глася на брак! — Он недоуменно пожал плечами. — Во-первых, это никак не вяжется с нашим бытом, а во-вторых, ведь убийство окончательно губит все дело. Теперь-то женитьба его ты-тю. — Подполковник помолчал и добавил: — Может, он тронутый? Всякое бывает. А вы обратили внимание, товарищ старший лейтенант, на собаку? Металась как неприкаянная, дважды пыталась взять след с окна. Что ей там надо? Вот что, Володя, — подполковник дружески обнял молодого помощника, — с женщинами придется поговорить еще раз, позднее. Займитесь этим. И побольше о Мухине. Удивительное дело, — Федор Георгиевич смешно поднял плечи и развел руками, — о Зотове мы с ходу узнали многое: любил дочку старика, неуравновешенный, грозился, а о покойном, царство ему небесное, ни слова. Как жил, с кем встречался, — ничего не знаем. Займитесь, товарищ Загоруйко. Мне все-таки думается, — продолжал подполковник, — было бы неплохо погостить здесь еще денек-другой, расставить посты, посмотреть, не придет ли кто в гости. Может, кто и поинтересуется, по каким следам идет уголовный розыск. Словом, вы меня понимаете, товарищ Загоруйко... Сейчас пришлю людей, расставьте их как полагается. Посидим у моря, подождем...

Загоруйко остался один. За стеной слышалось неясное бормотание, иногда плач. Раза два по коридору пробегала Капитонова, она так и не ложилась спать. Вскоре прибыла машина с сотрудниками милиции. Старший лейтенант расставил посты, проинструктировал вновь прибывших. К этому времени уже стало светать. Во дворах соседних домиков вступили в перекличку петухи. От ночного дождя зелень маленьких садов казалась лакированной. Хотелось спать. Загоруйко подтащил кресло поближе к окну, отдернул занавеси и поудобнее примостился. Из окна просматривалась тихая, еще не проснувшаяся улица. Она дышала миром, спокойствием. Дома напротив, приземистые, одноэтажные, с щелями в закрытых ставнях, чем-то напоминали копилки. Загоруйко даже улыбнулся неожиданному сравнению.

Глава 2

УТРОМ В ПРОКУРАТУРЕ

Ровно в десять часов Николай Петрович Куликов, как всегда, подтянутый, побритый, входил в здание прокуратуры.

Возле кабинета он заметил старичка, одиноко притулившегося в приемной. И сразу же догадался, что перед ним официант кафе «Отдых». Николай Петрович приветливо поздоровался и, следуя за ранним посетителем, вошел к себе.

— Садитесь, пожалуйста. Может, закрыть окно, не боитесь простуды?

— Премного благодарны, прошу не беспокоиться, к воздуху привычны,— неожиданно густым басом ответил старичок и расправил усы.

— Вы на пенсии? — улыбаясь, спросил Куликов. Ему стало смешно: уж больно не соответствовал могучий рык старика неказистой внешности.

— Так точно.

— А почему не отдыхаете?

— Привычка,— сокрушенно пробасил тот,— места дома себе не нахожу, не шутка, пятьдесят лет проработал, вот и не выдержал, пошел работать в кафе. Работа не вредная, все время на свежем воздухе, да и посетители хорошие, больше молодежь.

Он умолк и выжидательно посмотрел на Куликова.

— Вы уж меня извините, что рано вас потревожил.

— Об чем разговор, гражданин следователь! Чем могу служить? Рад помочь. Всем сердцем.— Старик даже приложил руки к груди.

Завязался неторопливый разговор. Николай Петрович, подробно описав внешний вид Марины Мухиной, поинтересовался, не слышал ли старый официант, о чем говорили молодые люди, когда сидели у него за столиком.

Марину старик заприметил.

— Симпатичная девица, только глазенками любит стрелять... швырк, швырк то туда, то сюда.

А вот спутника ее официант вспомнить не мог. Одно запомнил: тот сердито выговаривал девушке. Даже кулаком по столу стукнул. Старик подошел, посмотрел, не разбил ли чего. Обошлось.

— А угроз каких со стороны молодого человека не слышали?

— Врать не хочу. Не слышал. Да я и отошел быстро.

— Понятно. Спасибо.

Николай Петрович придвинул к себе бланк протокола и стал его заполнять. Попросив свидетеля расписаться, Куликов еще раз поблагодарил его.

— Рад служить. Можно идти?

— Будьте здоровы.— Следователь протянул повестку с отметкой о посещении прокуратуры.

Оставшись один, Николай Петрович задумался. Значит, Марине Мухиной просто показалось, что их разговор слышали окружающие. Может, кто и слышал, но не официант. В общем, оно и понятно: официант все время в беготне — кухня, столики. Как-никак воскресный день. Да, но показания Марины все же

должны быть подкреплены хотя бы еще одним свидетелем. Без этого допрос Зотова будет затруднен. Может, Капитонова?

Николай Петрович встал и заглянул в приемную. До чего же аккуратный народ! У входа сидела высокая женщина. Клавдия Ивановна! Куликов сразу узнал ее.

Несмотря на августовское утро, Капитонова, видимо, по случаю вызова в прокуратуру была одета в длинное пальто из черного плюша. Обычно этот наряд она надевала только в церковные праздники. По одному этому можно было судить, какое значение придает она сегодняшнему событию. Остренькие маленькие глазки Клавдии Ивановны с нескрываемым любопытством оглядывали каждый предмет в комнате.

Клавдию Ивановну не надо было расспрашивать. Она сама торопилась выложить все обстоятельно, иногда пускалась в пространные рассуждения, и тогда Куликов осторожно выравнивал рассказ.

Началось с того, что в начале десятого вечера (Клавдия Ивановна запомнила этот час, так как обычно в это время принимает лекарство от ревматизма) кто-то забарабанил в наружную дверь. Со слов Клавдии Ивановны, она хоть и испугалась, но пошла открыть, и в квартиру ворвался Андрей Зотов.

Да, конечно, она и раньше встречала его. Ухажер Маринки, дочки Мухина. Сколько раз она видела их вместе, часами стояли у дома, но чтобы войти — ни, ни!.. Так вот, впустила Андрея в квартиру, и он бегом в комнату старика.

— Мухина вы давно знаете?

— Тридцать лет в одной квартире живем.

— В гости к нему ходили?

— В гости? — удивленно переспросила Клавдия Ивановна. — Нет, скупой старик был, вечно ссорился со мной: то электричества много жгу, то кран не закрутила. Не разговаривала я с ним, не то что в гости.

— Что делал Мухин, когда пришел Зотов?

— Спал, — безапелляционно заявила свидетельница.

— Откуда вы знаете?

— Слава богу! Жить в одной квартире и не знать... Спал. Он в это время всегда ложился.

— Ну, а дальше что?

— Слышу, ругаются. «Отдай дочку за меня, а не то я тебя убью!» — кричал Зотов. И, по всем статьям, убил!

— Так сразу и убил? — недоверчиво спросил Куликов.

— А что старику надо? Он хлипкий, гнилой. В чем только душа держалась. Хлипкий, а занудливый. Нет, видать, Андрюш-

ка — убийца. — И, откинувшись на спинку стула, Клавдия Ивановна заключила: — Точно он. Кто же еще!

— Но вы же не видели, как Зотов убивал Мухина?

— Что вы, что вы!... — взволновалась Капитонова и даже перекрестилась. — Какие страсти говорите... — И обиженно сжала губы.

— Почему же вы так уверенно говорите, что Зотов — убийца?

— Он сам кричал: «Убью тебя!»

— Где кричал?

— В комнате.

— Мухин отвечал?

— Нет, в комнате что-то упало, шум пошел. Больше я ничего не слышала.

— А дальше что?

— Вижу, бежит Андрей по коридору, страшный, волосы взъерошены, глаза выпучил, ногами громыхает — и прямо в дверь, ударил кулаком и убежал.

— Ясно! — резюмировал Куликов и наклонился над протоколом допроса.

Клавдия Ивановна понимала, что она единственная свидетельница случившегося, и упивалась своей ролью.

— Как Мухин относился к дочери?

— Любил ее, а замуж за Андрея не велел выходить.

— Почему?

— Говорил, что тот голоштанник, что для Марины другой муж нужен.

— И Марина соглашалась?

— А что же делать, против отца не пойдешь, особенно когда из его рук ешь. Старик богатый, дочери ни в чем не отказывал. Только грозился: выйдешь за голодранца — выгоню.

— А вам Марина ничего о Зотове не рассказывала?

— Нет, девка скрытная.

— Вот вы говорите, Мухин богатый. Откуда вы знаете?

— Да что теперь о покойнике говорить! Дурного не полагается, а хорошего тоже не скажешь.

— Не понимаю.

— А что понимать-то, спекулянт он и жулик! — И, сердито сверкнув глазами, добавила: — У него три ведра золота припрятано.

— Что же, вы сами видели?

— Видеть не видела, а знаю, что есть. К нему разные люди приходили, золото приносили.

— Кто приносил?

— Не знаю. Должно быть, спекулянты.

— Почему вы решили, что кто пришел, тот золото принес? Может, просто так.

— Догадывалась. Жаден был старик. Деньги для него — все! Говорила ему: погубишь себя жадностью, Семен Федотыч. Истинная правда получилась, погубил. Все-то ему мало. А где Андрюшке взять денег? Он и не выдержал. И куда старому такое богатство?! Одно варенья три пуда наварил...— Клавдия Ивановна сжала губы и замолчала.

Куликов сосредоточенно писал. Отвлек негромкий стук в дверь. В кабинет вошел Федор Георгиевич Гончаров, тот самый подполковник, что был вчера в квартире у Мухина. Гончаров вошел не спеша, чуть вразвалку и, пожимая руку Николаю Петровичу, осведомился:

— Не помешал?

— Нет-нет, пожалуйста.— Куликов пододвинул стул вошедшему.— Беседую с Клавдией Ивановной Капитоновой. Вы ее видели вчера.

— Здравствуйте! — Федор Георгиевич поклонился свидетельнице.— Разрешите.— Он потянулся к протоколу допроса, взял его и стал внимательно читать.

— Пока все, Клавдия Ивановна. Спасибо вам.— Куликов поднялся со стула.

— Пожалуйста, — церемонно ответила Капитонова и тоже встала.— Можно идти?

— Одну минуту.— Гончаров дочитал протокол и положил его обратно на стол.— Вчера вы отлучались из квартиры?

— Да, уходила под вечер.

— Куда?

— В церковь. По воскресеньям я всегда ухожу часов в восемь вечера, а обратно возвращаюсь в девять, в начале десятого.

— Понятно. У меня вопросов больше нет.

— Еще раз благодарю. — Куликов протянул Капитоновой листы протокола и попросил подписаться на каждой странице.

Оставшись вдвоем, Николай Петрович подробно рассказал подполковнику о проведенных допросах, о своем впечатлении от свидетелей.

— Факт пребывания Зотова в комнате Мухина, — говорил он, — перебранка со стариком, драка, бегство — все установлено. А если прибавить показания Марины об угрозах ревнивого кавалера расправиться с ее отцом, то нехитрое дело получается, Федор Георгиевич. Как вы считаете?

— А вы?

Не получив ответа, Куликов тоже ответил не сразу. Спря-

тал в ящик стола протоколы допросов, закурил и, разок-другой глубоко затянувшись, медленно заговорил:

— Ну, что же, я секрета не делаю. Вы обратили внимание, Федор Георгиевич, что за последнее время мы стали бояться простых решений, перестали верить им? Кто знает, может, причиной тому усложненность всего нашего образа жизни, мышления, но прямолинейность и простота кое-кому стали казаться подозрительными. Вот в нашем деле тоже мы склонны искать трудности там, где их и в помине нет. Мы перестали верить тому, что чересчур легко. Я к чему это говорю, Федор Георгиевич? К тому, что в деле Мухина я решил не бояться версии, если так можно выразиться, лежащей на поверхности. Версия эта жизненна, логична и подкреплена свидетелями. Я не могу игнорировать показаний Марины Мухиной, если она недвусмысленно заявляет, что Зотов за несколько часов до убийства грозил расправиться с ее отцом. Я не могу не верить Капитоновой. К тому же есть еще одна существенная деталь: у старика Мухина чем-то тяжелым разmozжен затылок. Эксперт установил, что именно это явилось причиной смерти, а смерть наступила в час, когда в комнате находился Зотов. Что же еще нам надо?

— Да-а,— протянул Гончаров.— Улики веские. К ним еще можно добавить, что Зотова дома не оказалось, он был задержан на вокзале. Но удар в затылок, почему в затылок? Значит, старик повернулся спиной к гостю и ругался? Странная мизансцена.

— Ничего странного, — отрезал Куликов. — Мухин повернулся, чтобы показать Зотову, что разговор окончен, а в это время тот ударил его по голове.

Глава 3

ГДЕ ПРЕСС-ПАПЬЕ

В двух шагах от следователя, положив большие руки на колени, сидел молодой человек среднего роста, ладно сложенный, в дешевом грубошерстном костюме серовато-темного цвета. Ноги его были обуты в широкие, на толстой подошве ботинки. Мягкий воротник верхней рубашки открывал темную от загара шею. Густые, почти сросшиеся в одну линию брови придавали лицу мрачный вид. Молодой человек непрерывно сжимал и разжимал челюсти, отчего под тонкой кожей появлялись и исчезали желваки.

«Нервничает»,— подумал Николай Петрович и с удивлением отметил, что почему-то представлял себе Андрея Зотова совсем

другим — тоньше, расхлябаннее, что этот молодой человек мало похож на того, выдуманного им.

Сорок второго года рождения, родители умерли, работает техником-геодезистом, окончил одиннадцатилетку и двухгодичные курсы, под судом не был, но привлекался к ответственности за драку на улице. В нескольких строках вся биография. Небогато. С чего начать? От первых слов, от первой фразы немало зависит.

Исподволь изучая Зотова, Николай Петрович все более убеждался в правильности своей версии. Да, парень вспыльчивый, бешеный, такому ничего не стоит сгоряча ударить, покалечить человека.

Понял Николай Петрович и другое: что сразу, с ходу на откровенный разговор рассчитывать нельзя.

— Вы знаете, что случилось с Семеном Федотычем Мухиным?

— Узнал в милиции. Меня к вам не повесткой пригласили, а привели. Хорошо еще кандалы не надели.

— Зачем же так?.. А привели потому, что дело серьезное.

— А позвольте спросить: какое отношение к этому серьезному делу имею я?

— Вот об этом мы и поговорим. Начнем с вашей поездки с Мариной Мухиной в Быково.

Взгляд, который Зотов метнул на следователя, был красноречивей слов.

— Я слушаю вас,— мягко произнес Николай Петрович.

— О чем говорить: об убийстве или о любовных делах? — сквозь зубы процедил Зотов.

— Так ли уж далеко одно от другого?

И неожиданно Зотова прорвало. Словно все, что он таил, что накапливало в нем, он черпал ладонями и выплескивал, выплескивал... нате, еще нате... вот вам, копайтесь, ройтесь!

Монолог Зотова часто казался бессвязным. Фразы обрывались на полуслове, оставались недосказанными, но недаром Николай Петрович был искусным слушателем. Он, не перебивая, мысленно заканчивал недосказанное, вязал в узелки разорванные ниточки, отметал все, что шло от чистой лирики. И с полотна, на котором следователь рисовал картину преступления, случившегося в доме Мухина, постепенно исчезали последние белые пятна.

Андрей любил Марину, любил неистово, с «сумасшедшинкой». Такое чувство пришло к нему впервые. Оно могло бы явиться счастьем для них, если бы было одинаковым у обоих. Но любовь Андрея опалила и испугала Марину. Конечно, Андрей Марине нравился. Нравилась его преданность, безропотное слу-

жение всем ее причудам. Но девушку пугали припадки ревности, раздражали настойчивые требования выйти за него замуж. Нет, не о таком муже для дочери думал Семен Федотыч Мухин и смотревшая на жизнь глазами отца Марина. Спокойный, рассудительный, на десять лет старше или, во всяком случае, «при деле» — вот таким должен быть ее муж, а не бешеный мальчишка, с которым приятно провести время, но выходить замуж...

Да, в Быкове он не сдержался, наговорил Марине кучу дерзостей, был грех — угрожал. К тому же за соседним столиком какой-то фрукт все на нее глазами пялился, чуть по морде не заработал. Обрато в Москву он и Марина ехали в разных вагонах, а с вокзала он на такси к ней домой подался, торопился, хотел до ее прихода поговорить со стариком с глазу на глаз. Как вылез из машины возле их дома, увидел сквозь деревья сада окно Маришкиной комнаты, шторку приспущенную, такая обида разобрала, такая горечь прихватила, что сразу, ни о чем не думая, к двери кинулся.

Нет, разговора не получилось. Старик и слушать не захотел о замужестве дочери. Слово за слово, стал угрожать, оскорблять его, гнать из дому, замахнулся тяжелым пресс-папье, и тут Андрей не сдержался, вырвал пресс-папье из рук бушевавшего хозяина, швырнул в сторону, а самого толкнул к окошку, хорошо еще закрыто было, а то вылетел бы старик в сад прохладиться, благо дождь пошел. Да не рассчитал удара: старик отлетел, как мячик, может, обо что и стукнулся, он уже ничего не видел, повернулся и бросился бежать... Вот и все.

Все ли? Нет, пока что Николай Петрович этого вопроса не задал. Его заинтересовали слова Зотова о пресс-папье. У старика Мухина затылок разmozжен чем-то тяжелым. Чем? Ни на одной из вещей, находившихся в комнате убитого, не было обнаружено следов крови. А пресс-папье?.. Николай Петрович мог поклясться, что пресс-папье в комнате убитого отсутствовало. Следовательно, в тот момент Зотов сообразил, что оставлять эту страшную улику на месте преступления нельзя, и унес с собой. Какое же это состояние аффекта!

— Почему и куда вы пытались уехать из Москвы?

— К тетке, в Расторгуево. Тяжело было. Понимал, что все рушится. От самого себя бежал.

— Неясно.

— Вот то-то и оно, что неясно.

— Значит, к убийству Мухина вы никак не причастны?

Зотов пренебрежительно пожал плечами и ничего не ответил.

— А ведь Марина Мухина придерживается другого мнения.

— Не говорите чепухи! — резко оборвал Андрей.

Николай Петрович не одернул грубияна.

— Чепухи? Что же, я дам вам возможность убедиться в обратном.

На этом допрос был прекращен.

Глава 4

ОЧНАЯ СТАВКА

Марина не помнила матери. Та умерла, когда девочке исполнилось два года. Всякое говорили в связи со смертью Мухиной: и о том, что муж ее поколачивал, что был он привередлив и скуповат сверх меры... всякое. Девочка не интересовалась пересудами, а когда подросла, и разговоры кончились.

Так всю жизнь и прошагали вдвоем — угрюмый и малообщительный Семен Мухин и набалованная, хорошенькая Мариша, с годами превратившаяся в очаровательную, стройную девушку.

В школьные годы девушка ничего не знала о делах отца. Семен Федотыч работал оценщиком в ломбарде, слыл большим специалистом по драгоценным камням и золоту. Тогда и позднее уже вышедшего на пенсию Мухина изредка навещали незнакомые Марине люди. Если появлялся «визитер», Семен Федотыч, как правило, отсылал дочь в магазин или по каким-либо другим делам, и девушка с превеликим удовольствием выпархивала из дому, часто даже забывая выполнить то, за чем пошла. Она отлично понимала, что отцовское поручение только предлог, чтобы спроводить ее.

Отец потакал дочери во всем и, пожалуй, впервые отказал ей, когда после окончания средней школы она заявила, что собирается сниматься в кино.

— Я тебе поснимаюсь! — прорычал Семен Федотыч. — По чужим постелям валяться... Отлуплю так, что не сядешь неделю!

На этом затея и кончилась. Марина не настаивала на актерской профессии. Нет так нет, подумаешь! И охотно согласилась поступить в комиссионный магазин, где скоро освоила все тонкости торгового дела. В комиссионном она и встретилась со случайно забредшим туда Андреем Зотовым.

Если бы сейчас, после утраты отца, Марину спросили, что тревожит и угнетает ее больше всего, она должна была бы ответить так: испуг, боязнь остаться одной. Ведь до сих пор, даже будучи взрослой, она шла по жизни, опираясь на плечи отца.

Она охотно подтвердила следователю прокуратуры свои первоначальные показания о том, что считает виновным только Зотова. Она вспоминала новые подробности из разговоров с ним. И Николай Петрович Куликов, обстоятельно записывая показания Марины Мухиной, в который раз убеждался в своей правоте. В схеме, начерченной следователем, царил полная ясность...

В черном платье, гладко причесанная, побледневшая и осунувшаяся, вошла Марина в кабинет Куликова.

Николай Петрович сочувствовал посетительнице, но не вызывать ее сегодня нельзя было. Зотов упорствовал, на первых двух допросах все начисто отрицал, не верил, что его подружка могла дать показания против него.

Марина без всяких колебаний согласилась на очную ставку. Николаю Петровичу даже стало чуть не по себе, когда, пожав плечами, свидетельница заявила холодно и отчужденно:

— Если нужно, пожалуйста. Я в лицо ему скажу, что он убийца и что я рада буду, если его расстреляют.

Когда Зотова ввели в кабинет и он увидел сидевшую возле стола Марину, он будто засветился весь. Не скрывая радости, Зотов возбужденно заговорил, обращаясь только к ней:

— Понимаешь, Маринка, меня черт знает в чем обвиняют! Это же даже смешно подумать...

Марина молчала и смотрела в сторону. Вместо нее подал реплику следователь:

— Не думаю, чтобы это было очень смешно, гражданин Зотов. Убийство не такая уж веселая штука.

— Извини, Мариша. Я неудачно выразился,— виновато сказал Зотов, даже не посмотрев в сторону Куликова.

Куликов попросил Зотова сесть напротив Мухиной, провел обычный опрос взаимного опознания, и потянулася цепочка ранее обдуманных, тщательно отработанных вопросов задержанному и свидетельнице.

Ездили ли вы вместе в Быково, шел ли разговор о браке, грозили ли вы? На все эти вопросы следовали утвердительные ответы, без колебаний, раздумий.

— Зачем вы поехали на квартиру к Мухину?

— Хотел объясниться, поговорить.

— Но вы же знали, что это явно безнадежная затея?

Молчание.

— Гражданка Мухина, Зотов знал, что его приезд к вашему отцу бессмыслен?

— Конечно, знал. Я ему десятки раз говорила, что отец слышать не хочет, чтобы мы поженились, да я и сама ни за что бы за него замуж не вышла. Тоже мне муж нашелся!

— Спокойно, это к делу не относится,— остановил ее Куликов.— Кто вас впустил в квартиру, гражданин Зотов?

— Какая-то гражданка. Видать, живет там. А впрочем, не знаю. Она была в пальто и косынке.

— Это Клавдия Ивановна, наша соседка,— пояснила Марина,— она, наверное, только что вернулась из церкви.

— В комнате у Мухина никого не было?

— Никого.

— Гражданка Мухина, когда вы уходили, ваш отец никого не ждал?

— Никого.

С особой тщательностью расспрашивал Николай Петрович о вероятном оружии убийства, тяжелом пресс-папье, загадочно исчезнувшем из комнаты. Однако ничего нового по этому вопросу от Зотова услышать не удалось.

— Да, было такое,— как заученное, твердил задержанный.

И снова повторял о том, что старик схватил пресс-папье, замахнулся, хотел ударить его, что он вырвал пресс, кинул в сторону, а самого хозяина тряхнул за грудки и оттолкнул к подоконнику. На этом, со слов Зотова, все кончилось. Он бросился бежать из комнаты, из квартиры, ничего не видя, не слыша.

— Любопытно, Зотов, но пресс-папье в комнате нет. Куда оно делось? Вспомните, может, вы не бросили его, а прихватили с собой? С перепугу, так сказать. Ударили старого человека, схватили пресс и побежали?

На этом месте очную ставку пришлось прекратить. Доселе сдержанная, молчавшая Марина как бы вновь увидела и пережила случившееся... занесенное рукой убийцы тяжелое пресс-папье, разможенная голова отца... Она залилась слезами и, показывая на побледневшего, как полотно, Андрея, закричала, запричитала пронзительно:

— Это он, он убийца! Папа, дорогой, прости меня! Я, я одна виновата!

Пока Куликов отпаивал Марину, уговаривал и успокаивал ее, с Зотовым происходило что-то непонятное. Вначале согнувшийся под градом упреков, проклятий и обвинений, он постепенно выпрямился, расправил плечи, на лице его появилась глумливая улыбка. Когда через минуту-другую следователь обернулся и хотел о чем-то спросить, Зотов, махнув рукой, не меняя выражения лица, сказал:

— Ладно, ваша взяла! Пишите, я убил. А пресс... выбросил.

— Куда?

— В окно. Хватит. Точка!

— В окно? — заинтересованно переспросил Куликов.

— А то куда же, проглотил, что ли?!—грубо отрезал Зотов.

Глава 5

В ГОСТИ НА ПЕТРОВКУ, 38

Виктор Лунев, щупленький парнишка с невыразительными чертами лица и коротко остриженной головой, проснулся в самом радужном настроении. И хоть спал он мало и плохо, заночевал у сестры, домой боязно было идти,— все равно настроение у Виктора было праздничное. Похоже на то, что жизнь наконец-то улыбнулась ему. Сегодня он должен получить еще десятку. Итого двадцать рублей за два дня. Ого! Недурно!

Виктор стал не спеша собираться, чтобы успеть к восьми часам по знакомому адресу.

И до чего же быстро он профинтил зарплату плюс отпускные! Нет, теперь он будет умнее. Хватит рублевки раскидывать. На работу можно сейчас не устраиваться. Не к чему спешить. Да и некуда пока. Ведь это он только так, для фасону говорил, что не поладил с нормировщиком,— на самом деле захотелось ему пожить вольно, чтобы каждое утро не топтать на завод. Работа в лес не убежит. Тем более, что мать в санаторий уехала. Легче Витьке без нее. А то пристаёт: «Витя, зачем пьешь?» Да еще всплакнет.

Лихо заломив кепку ядовито-зеленого цвета, с таким маленьким козырьком, что на голове она превратилась в нечто среднее между блином и беретом, Лунев вышел на улицу.

Сначала на метро, потом автобусом он доехал до Октябрьского поля. Проходным двором вышел на тихую тенистую улочку, пересек ее и пошел вдоль низеньких заборов, за которыми бурно росли кусты смородины. Пройдя шагов двадцать, Виктор увидел нужный ему дом. И сразу же остановился как вкопанный. Странное, непривычное оживление... Две девочки пытались заглянуть в одно из окон. То одна, то другая подтягивались на руках. У входа стояла уже знакомая Луневу женщина, та самая, что вчера открывала ему дверь.

Неподалеку от домика, за деревом, Виктор заметил молодого человека в белой рубашке. Тот внимательно посмотрел на него и сразу же отвел глаза. Худо!

И в то же мгновение до обостренного сознания парня донес-

лись чьи-то слова: «Всю ночь милиция работала. Шутка ли, такое преступление!..»

Смутно, потом все отчетливее росло ощущение еще не распознанной опасности. Виктор резко повернулся и пошел от дома, невольно ускорил шаги. Он прошел мимо проходного двора, мимо нескончаемых палисадников, маленьких домишек. «Скоро, скорее», — торопил сам себя.

Оглянулся. Вдали, мягко ныряя на ухабах, шла легковая машина. «В чем дело? — стал корить себя Лунев. — Чего я, душень, испугался?»

И снова в памяти возник молодой человек в белой рубашке. Почему? Виктор не смог бы объяснить. Пристальный, мгновенно отведенный взгляд — все настораживало, все было подозрительно. Нет, правильно сделал, что смотался, пока тетка, открывавшая ему вчера дверь, не заметила. Правильно.

Мягкое шуршание шин заставило оглянуться. Серая «Волга» обогнала его, держась впритирку к тротуару, по которому он шел. Виктор хотел было рвануться в сторону, но не успел. Из медленно идущей машины выскочили два человека, один из них в белой рубашке, и сжали с двух сторон.

— Без паники, парень, спокойно. Вот так, по-хорошему, — негромко сказал один.

Попытка упереться ногой в подножку машины ни к чему не привела. Тот, кто в белой рубашке, легонько приподнял его ногу, и через мгновение Лунев лежал на мягком сиденье.

Шофер рванул с места, не обращая внимания на ухабы немощной улицы.

— Проверь, нет ли оружия. — И руки одного из молодых людей умело ощупали пиджак и брюки Виктора.

— Ничего нет.

— В чем дело? — Голос Лунева звучал тихо и хрипло. — В чем дело, ребята?

— Все в порядке, парень. Мы из уголовного розыска. Приедем на место, разберемся.

Ясно. Влип. Но в чем дело? В доме Мухина что-то произошло. Но что? И почему эта история касается его? Что он сделал? Непонятно. Может, схватили потому, что он вчера был у Мухина? Так разве это — преступление? С Пушкинской площади машина свернула влево. Все ясно. Едем в гости на Петровку, 38.

Машина остановилась у двери желтого здания.

— Прошу, приехали... — Молодой человек в белой рубашке вышел первым и, стоя на тротуаре, ждал, когда Лунев выйдет.

Второй сопровождающий последовал за ними.

Они шли садом по асфальтированной дорожке, вдоль аккуратно подстриженных газонов. Справа тянулось большое здание, выкрашенное в бело-желтый цвет. Окна многих комнат были открыты, и на ветру трепетали полупущенные занавеси. Затем поднялись по ступенькам и очутились в узком, длинном коридоре. У одной из комнат остановились, молодой человек осторожно открыл дверь и заглянул внутрь.

— Можно,— сказал он, и они втроем вошли в небольшую комнату с одним окном, в которой всего и было обстановки стол и несколько стульев.

— Садитесь. Документы есть?

— А я их с собой не ношу.

— Фамилия ваша?

— Лунев Виктор Алексеевич.

— Где живете, работаете?

Виктор назвал адреса. Молодой человек записал, потом командовал:

— Посидите. Выходить из этой комнаты не разрешается.— И вместе со вторым сотрудником вышел в коридор.

— Доверяют,— усмехнулся Лунев. Немного посидев, он встал, глянул в окно. Комната выходила во внутренний двор. Асфальт двора местами темнел сырыми пятнами, не успев просохнуть после недавней поливки.

Пока Лунев ехал в машине, у него не было возможности обдумать, как вести себя, о чем говорить, о чем молчать. Все было слишком неожиданно. Ясно одно: приглашение на Петровку связано с какой-то историей, случившейся в доме Мухина. Что там произошло и не замешаны ли здесь те двое? А что, если «те» арестованы?! От одной этой мысли он даже похолодел. Они будут всякое болтать о нем. Но он же действительно ничего плохого не сделал. Кто он? Пешка, мальчишка для посылок. Да, но здесь могут этого не знать.

И, перебирая в памяти события последних дней, Лунев решил, что ему для собственного спасения нужно как можно скорее отмежеваться от тех двоих. Они сами по себе, а он сам по себе.

Запутавшись в догадках и предположениях, Лунев приуныл. Он даже обрадовался, когда вернулся один из сопровождавших и предложил следовать за ним.

Молча прошли длинный коридор, свернули направо и остановились у двери, как две капли воды похожей на остальные. Молодой человек негромко постучал, приоткрыл дверь и спросил:

— Разрешите, Федор Георгиевич?

Лунев перешагнул порог.

ПО СТУПЕНЬКАМ ВНИЗ

— Привет, молодой человек! Чего стал? Проходи, садись вот сюда.— Гончаров отодвинул лежащие перед ним бумаги и дружески кивнул Луневу. Дождавшись, когда Виктор сел у стола, он продолжал смешливо: — Что же получается, вышел хлопец погулять, путь изрядный сделал, шутка ли, в Ново-Ладыженский переулок забрался, а его ни с того ни с сего в машину и на Петровку? Небось, так думаешь? Не таись.

— Точно говорите, товарищ начальник. Именно так, ни с того ни с сего,— заторопился Лунев.— Не по справедливости получается. Это значит, если моя физиономия кому не понравится, значит, сразу можно...

— Сразу, конечно, нельзя,— добродушно ответил Гончаров.— А физиономия у тебя, я бы сказал, ничего, подходящая. Вот только мешки под глазами и в желтизну отливают. Крепко пьешь?

— Выпиваю.

— А почему не на работе?

— В отпуске я,— соврал Виктор.

— Только познакомились, а ты уже загнул,— обиделся Федор Георгиевич.— С работы ты уволился две недели назад. По этой машинке я сейчас справку навел.— Гончаров показал на телефон.— И ведет ныне Виктор Лунев раздольную жизнь. Ни гудков фабричных, ни нормы, один обеденный перерыв. Правильно говорю?

Виктор молчал.

— А ведь так можно в два счета весь капитал прогулять,— невозмутимо продолжал Гончаров.— Или он у тебя велик?

Лунев в ответ широко улыбнулся. Манера разговаривать этого незнакомого, но, видать, своего «в доску» дядьки приглянулась ему по душе.

— Тоже скажете... Откуда ему взяться? Поднесут, выпью. А насчет работы не беспокойтесь. Отдохну малость и обратно.

— Устал?

— Ага.

— А как ты думаешь, если бы все мы работали так, как ты, до первой усталости, что получилось бы?

Лунев пожал плечами.

— А чего?.. В порядке.

Парень был явно не подготовлен к такой дискуссии.

— «В порядке!» — передразнил Гончаров. — От такого по-

рядочка ты, может, первым ноги бы протянул. В семье еще кто работает?

— Мать,— неохотно сообщил Лунев.

— И мать тоже... с перерывами?

— Ударница она у меня,— с гордостью сказал Виктор и почему-то покраснел.

Федор Георгиевич с удовлетворением отметил смущение парня. Однако пора было переходить к делу.

— Ну, так что же все-таки ты, герой труда, в Ново-Ладыженском делал? К кому и зачем спозаранку пожаловал?

— Должок надо было получить, товарищ начальник.

— Ишь ты, кредитор. Кто же тебе должен?

— Старик один. Мухин его фамилия.

Ни один мускул не дрогнул на лице Гончарова.

— И много должен?

— Десятку.

— Немалая сумма. Что же, видать, нуждается этот старичок?

— Нуждается? — рассмеялся Лунев.— Мне бы да вам, товарищ начальник, его нужду. Богатей.

— А зачем деньги занимает?

— Это особый должок,— хитро подмигнул Виктор.

— Не понимаю. Давай подробней.— Новые нотки прозвучали в голосе Гончарова, и Лунев испуганно поглядел на него.— Давай выкладывай все как есть, начистоту. А чтобы в прятки нам с тобой не играть, слушай: свой долг ты на том свете получать будешь, потому что вчера Семена Мухина кто-то убил. Ясно?

Нижняя губа Лунева по-детски отвисла.

— Я не виноват,— только и смог пролепетать он.

— Зачем пожаловал в Ново-Ладыженский? Кто послал? Что за долг?

И Виктор Лунев рассказал следующее: позавчера он, как обычно в обед, отправился к пивному павильону, расположенному неподалеку от дома. Посещение пивнушки стало постоянным и, пожалуй, единственным развлечением парня. В театры он забыл, когда ходил, кино тоже не жаловал. А когда не было денег на четвертинку и на пиво, Виктор коротал досуг на соседнем дворе за игрой в «козла».

В пивном павильоне Лунев считался своим человеком. Однако чаще всего у него денег не хватало даже на «чекушку». В таких случаях он медленно потягивал кружку мутного бочкового пива, слизывал пену с губ и тоскливо поглядывал по сторонам, выискивал, к кому можно пристроиться, чтобы продлить пиршество за чужой счет.

Позавчера его поманил к себе грузный, приземистый мужчина лет пятидесяти, широколицый, с выпяченной нижней губой, одетый в парусиновый мешковатый костюм.

Завсегдатаем павильона мужчина был знаком. Звали его Яковом Васильевичем, поговаривали, что у Яшки куча денег, что занимается он разными махинациями, но чем именно, толком никто не знал.

— Здорово, Витек! — приветствовал Лунева толстяк. — Выпей за компанию. — И широким жестом опрокинул в пустую кружку бутылку пива.

Выпили молча. Кося глаза, парень поглядывал на соседа. Выпяченная губа придавала тому вид брезгливца, обиженного на самого себя: как это я оказался в этой забегаловке? И будто в подтверждение Яков Васильевич предложил:

— Чего тут толкаться? Пойдем посидим, поговорим по-человечески. Не бойся, плачу я.

В поплавке «Чайка» приятели заняли столик возле окна. Виктор, привыкший к своему павильону, довольно улыбался. Еще бы! Белые занавески, крахмальная скатерть, поблескивающие перевернутые бокалы, неслышно скользящие официанты!

Яков Васильевич заказал пол-литра, закуску, горячие блюда и, откинувшись на спинку стула, процедил:

— Видать, не богато живешь.

— Всякое бывает, — уклончиво ответил Лунев. — Сейчас точно, не при деле.

— А есть люди, живут королями. Ни забот, ни хлопот. Деньги к ним сами текут. Да вот у меня родственница в Ленинграде. Старуха, одна-одинешенька, квартира, ковры, брильянты. Между прочим, зубной врач, золотыми протезами занимается. Мильенное дело! А помрет, кому достанется — государству! Родственников никого!

— Паразиты, а не люди! — с обидой отозвался Лунев. — Нет того, чтобы рабочему человеку помочь.

— Они помогут, жди... — поддакнул Яков Васильевич.

Беседа прервалась. Официант принес еду, разлил водку и отошел. В молчании выпили.

— Не знаю, как быть, — продолжал Яков Васильевич. — В Ленинград податься, что ли, хотя и здесь можно деньги делать. Ты парень неплохой. — Он хлопнул Виктора по колену. — Держись за меня, не пропадешь.

Лунев хмелел. Он потянулся было за быстро пустеющим графином, но сосед перехватил его руку.

— Обожди, — резонно заметил Яков Васильевич, — налакаться всегда успеешь. Давай о деле поговорим.

— О деле так о деле, — согласился Виктор. — Что нужно?

— Значит, так, слушай: живет в Ново-Ладыженском переулке Семен Мухин, сквалыга лютый, вещи скупает. Старик осторожный.

— Барыга,— понимающе кивнул Виктор.

Яков Васильевич покосился на него.

— Так вот, пойдешь сегодня к старику, предупредишь, чтобы вечером в девять часов ждал дружка, принесут ему стоящую вещь, рублей на пятьсот потянет.

— Пятьсот?! — ахнул Виктор.

Яков Васильевич довольно хмыкнул.

— Пробрало. Жемчуг принесет.

— А если старик спросит, кто придет, что тогда?

Яков Васильевич ответил не сразу. Он внимательно оглядел Виктора, отвел глаза и нехотя, притушив голос, произнес:

— Скажи, что придет Лаше. Запомни, Лаше.— И уже с явной угрозой: — Не советую где-нибудь назвать это имя. Тебе сколько годков, Витек?

— Двадцать два,— проглотив от волнения слюну, ответил Лунев.

— Так вот, сболтнешь, до двадцати трех не дотянешь. Гарантирую.

— Зачем болтать? — обиделся Виктор.— Я сам по себе, он сам по себе. И это все, что надо сделать?

— Почти. Вернешься сюда к семи часам, посидишь вот там, у сквера, подождешь. Встретишь Лаше. Передашь ему, что сказал Мухин, и получишь червонец. У нас, как в банке, не пропадет.

В Ново-Ладыженский Виктор отправился сразу же из ресторана. В голове слегка шумело, настроение было превосходное. Шутка ли, десятка, а поручение выведенного яйца не стоит. Пришел, передал — и адью. Почаще бы такое перепало. А что касается Лаше, Яшки и старика, какое ему в конце концов дело, чем они занимаются. Его хата с краю.

Открыла пожилая женщина, мельком глянула, пропустила и небрежно бросила:

— Вторая направо.

— Войдите, — послышался старческий голос, когда Виктор поступал.

Мухин стоял на коленях возле дивана, искал туфли и ворчал:

— Куда она их, чертовка, запрятала?.. Чего надо? — Блеклые, в синеватых прожилках глаза уставились на гостя.

«Ну и хозяин! Ни здрастье, ни сядьте...» — подумал Лунев и, понизив голос, передал все, что ему поручил Яков Васильевич.

Старик пожевал губами, сдвинул кустистые седые брови и пробормотал:

— Ни черта не понимаю, что за Лаше. Ты толком говори, кто придет?

— Яков Васильевич сказал, что Лаше придет,— упавшим голосом пояснил Виктор.

— Яшка! Ну, это — другое дело. Так бы и сказал, а то Лаше. И кличка-то вроде собачьей. Говорил Яков, что ему нужно?

— Вещь принесет.

— Что именно?

— Жемчуг.

— Жемчуг? — удивился старик и вытянул гусиную шею с резко выступавшим кадыком.— Не знаешь, сколько хочет?

— Просил приготовить пятьсот рублей.

— Ишь ты! Пятьсот! Слыхано ли пять тыщ за безделушку?

Наступило молчание. Старик не переставал жевать губами. Наконец сухо произнес:

— Хорошо, пусть приходит ровно в девять, я сам открою.— Он встал с дивана, шлепая ночными туфлями, прошелся по комнате и поинтересовался: — Тебе-то кто открыл дверь?

— Какая-то женщина

— Ишь, стерва! Завсегда норовит первой. Лишь бы узнать. Ладно, иди. Так и передай, ровно в девять.

В семь часов вечера в условленном месте, возле ресторана «Чайка», Лунев ждал Лаше. Он облюбовал скамейку, с которой можно было видеть всех идущих от трамвайной остановки. Давно миновало условленное время, а никто не приходил.

«Надули гады, — уныло подумал Лунев. — Вот невезение!» И в ту же секунду вздрогнул от неожиданности. Рядом сел высокий худой мужчина с узким горбоносим лицом. Он был одет в серый костюм и в такого же цвета широкополую шляпу.

«Лаше!» — догадался Лунев.

Лаше удивлял своей несоразмерностью. Худощавый, узкоплечий, с удлинненным лицом, на котором, словно приклеенные, чернели тоненькие усики и золотистыми искорками поблескивали глаза, он с середины туловища будто превращался в другого человека. Длиннющие, почти до колен руки заканчивались широкими ладонями с короткими, мясистыми пальцами. Лаше слегка косолапил. Размер ноги его был никак не меньше сорок четвертого.

— Заждался, думал, что не приду? — На тонких, сжатых губах Лаше дрожала улыбка.

— Здравствуйте,— почему-то робея, вежливо ответил Виктор.

— Тебя за километр по кепочке можно узнать. И где ты такую оригинальную купил?

Виктор хотел обидеться, но побоялся.

— Кепка как кепка, государственный фасон, не я его выдумал,— тише, чем обычно, ответил он.

— Да носи на здоровье, — усмехнулся Лаше. — Я только удивляюсь, какой это закройщик сообразил.— И неожиданно:— У старика был?

— Да.

— Что сказал?

— Ждет к девяти часам.

— К девяти...— повторил тот и взглянул на ручные часы.— Половина восьмого, время еще есть. А как он, злой?

Лунев неопределенно пожал плечами.

— Сволочной старик,— подытожил Лаше, и его рот с тонкими губами стал еще уже.— Ладно, пора идти.— И он встал со скамьи.

— А как же деньги, что Яков Васильевич обещал?— робко, с замиранием сердца спросил Лунев.

— На, получай.— Лаше вытащил из кармана смятую десятку и сунул парню.— Многовато за одну услугу, ой, многовато! Ну да что для дружка не сделаешь. Может, еще когда пригодишься. Ты от Якова Васильевича не отрывайся. Шеф подходящий, с ним не пропадешь. Да, вот что еще,— снисходительно бросил Лаше,— навести завтра утречком пораньше старика Мухина. Он тоже тебе десятку подбросит.— Лаше расхохотался.— Ну, бывай... До встречи.

— Ну и тип! — пробормотал Виктор.

Страх у парня был настолько велик, что пропало желание идти домой, оставаться одному. «Заночую у сестры»,— решил он.

Однако скоро тревога оставила Виктора. Десять рублей, лежавшие в кармане, придали ему смелости, и на следующее утро по совету Лаше он отправился к старику Мухину за обещанной второй десяткой. Там его и задержали.

В памяти Гончарова сохранились многие из числа бывших «подопечных», но Лаше? Не только фамилия, но и внешность этого человека не была знакома Федору Георгиевичу. Зато Яков Васильевич из пивного бара, известный в уголовном мире под кличками «Бочонок», «Пузач», «Котел», был, как говорится, изучен вдоль и поперек. Пятьдесят лет своей бурной жизни Пузач почти поровну поделил между свободным житьем и пребыванием в тюрьмах. Сидел за мошенничество, аферы. Ныне пузач «удачливо» играет в карты и занимается букмекерством на ипподроме.

КРУГИ

Небольшой письменный стол заведующего отделом кадров напоминал островок, затерявшийся в океане папок. Папками были забиты стеллажи, опоясавшие комнату по всем четырем стенам, папки лежали на окне, горкой возвышались в углу и даже возле стола.

— Многовато! — Загоруйко осторожно пробирался по узкой дорожке, тянувшейся от двери к столу.

— Хватает добра, — отозвался завкадрами. — А что делать? Переучитываем личные дела. Мертвых душ поднакопилось. Вы откуда, товарищ?

Старший лейтенант предъявил документ, уселся на единственный свободный стул и попросил дать ему для ознакомления личное дело слесаря Виктора Лунева, недавно уволившегося по собственному желанию.

— Лунев? — удивился заведующий. — Не помню такого.

— Оно и не мудрено, — кивнул головой в сторону океана папок старший лейтенант.

— Не мудрено, да плохо, — отозвался кадровик. — Всех следовало бы знать, а как одолеть такое...

Заведующий говорил торопливо, одновременно листал папки, искал. Наконец нашел, стер с обложки пыль, положил папку на колени Загоруйко.

— Тошчая, — прокомментировал он, — три листка.

С фотографии на старшего лейтенанта смотрело знакомое мальчишеское лицо Лунева, с упрямым хохолком и чуть оттопыренными ушами. Никаких компрометирующих материалов в деле не было. Жил паренек, потерявший малолеткой отца, рано обрел самостоятельность. В общественной жизни не участвовал, в комсомоле не состоял. Почти во всех графах «нет», «нет», «нет». Получил выговор за опоздание. Мальчишеским почерком, со множеством ошибок написано объяснение: «Опоздал по случаю болезни мамыши». Так и написано: «мамыши».

«Соврал, подлец», — беззлобно подумал старший лейтенант, но промолчал.

Загоруйко отложил дело, извинился за беспокойство и сказал, что пойдет в комитет комсомола поговорить с секретарем.

Пока старший лейтенант узнавал подробности о Викторе Луневе, начальник отделения милиции Колесников получил любопытное письмо. На листке, вырванном из тетради, было нацарапано:

«Товарищ начальник, пишет вам доброжелательница, много

пострадавшая от уголовной шпаны. Поэтому и решила я остаться неизвестной. Не ровен час, пронюхают, со света сживут. В воскресенье, в десятом часу вечера, возвращаясь домой, я увидела чернявого паренька в сером костюме и желтых на толстой подошве ботинках. Парень выбежал из дома номер 16. Парень в руках держал небольшой окровавленный предмет, который и выбросил в урну на углу Ново-Ладыженского переулка, что с правой стороны. Вчера я узнала, что в этом переулке кого-то убили. Может, я повстречалась с убийцей. Буду рада, если чем могла вам. До свидания. Т ».

Майор выслал оперативных работников проверить содержание урн в Ново-Ладыженском переулке. Приказал, в случае если урны уже очищены от мусора, собрать и опросить дворников ближайших домов. Когда оперативный наряд выехал на задание, майор позвонил на Петровку, 38, и доложил подполковнику Гончарову о полученном письме.

Сигнал доброжелательницы оказался правильным. Именно в крайней урне на углу переулка, с правой стороны, было найдено массивное пресс-папье с засохшими следами крови. Эксперту научно-технического отдела понадобилось немного времени, чтобы дать заключение о том, что «вышеуказанный предмет является орудием убийства гражданина Мухина Семена Федотыча, последовавшего в воскресенье такого-то числа». По справке эксперта, удар был нанесен краем пресс-папье в затылок. Группы крови совпадали.

Казалось, все ясно. Круг замкнулся. Так, может, и несколько выпренне, доложил по телефону майор Колесников подполковнику Гончарову и был несказанно удивлен, когда, выслушав его, Федор Георгиевич назвал замкнутый круг кругом по воде, от которого в конечном счете ничего, кроме легкой ряби, не останется.

Федор Георгиевич распорядился немедленно переслать анонимное письмо графикам из НТО и поставить перед ними только один вопрос: кто писал — мужчина или женщина?

Закончив разговор с Колесниковым, Гончаров вызвал Загоруйко.

— Садитесь, товарищ старший лейтенант. Луневские протоколы прочли?

— Прочел. По-моему, Федор Георгиевич, положение осложнилось. Ведь и Лаше явился к Мухину к девяти часам.

— Совершенно верно. И если Зотов пришел объясняться насчет своих матримониальных дел и мог убить старика в припадке ярости, то Лаше мог прикончить его из корысти. Проверь, не исчезли ли из комнаты Мухина какие-либо драгоценности.

— Слушаюсь, товарищ подполковник. Но если Лаше гото-

вился убить Мухина, чего ради он посоветовал Луневу пойти за десяткой к старику? Это же идиотский риск.

— Ты прав. Ясно одно: Лунева надо выручать.

— Выручать?

— Да. Иначе его ликвидируют в два счета. Он для них опасный свидетель.

Глава 8

МЯТЕЖ ФАКТОВ

Сотрудники прокуратуры, знающие аккуратность Николая Петровича Куликова, сегодня могли с уверенностью сказать: наш старший следователь чем-то взволнован. Шутка ли, галстук повязан наспех, да так, что из-под узелка виднеется запонка. Всегда безукоризненный зачес, тщательно прикрывающий небольшую лысинку, отсутствует, и коварный безволосый пятачок откровенно красуется на самом затылке. В общем, все не так, как всегда.

Сосредоточенный, хмурый Николай Петрович широким шагом отмахал расстояние от своего кабинета до кабинета прокурора, постучал и, услышав «войдите», открыл дверь. Прокурор, пристроившись в углу дивана, листал очередной номер бюллетеня Верховного суда.

Он с удивлением оглядел Куликова.

— Николай Петрович, вам нездоровится? — Как и все сотрудники, прокурор привык видеть своего старшего следователя неизменно подтянутым. — Что случилось?

— Весьма существенное, Сергей Сергеевич, весьма. — Куликов положил на середину стола принесенную папку и стал развязывать тесьму. — Ваш старший следователь на этот раз не учел святого правила: тот, кто хочет обвинять, не должен торопиться.

— Золотые слова! — улыбнулся прокурор. — Но я бы предпочел с утра слушать не монолог кающегося грешника, а вести разговор по существу. Вы имеете в виду мухинское дело?

— Да, Сергей Сергеевич, мухинское, вернее, зотовское. Дело в том, что фактическая проверка показаний Зотова не дала положительных результатов.

— Садитесь, Николай Петрович, — перебил прокурор и показал на место за столом. — Выкладывайте не спеша все, что

вам стало известно. Все «за» и «против», а то этот галоп мне что-то не по душе. Я слушаю.

...Удивительное дело, очная ставка Андрея Зотова с Мариной Мухиной вместо того, чтобы закрепить уверенность следователя в правоте своей схемы, вконец разрушила ее. Казалось, должно было быть наоборот: Марина настойчиво и неистово обвиняла. Андрей под тяжестью улик сознался. Что же еще?!

С первой до последней минуты пребывания Зотова и Мухиной в его кабинете он не отводил от юноши глаз. Куликов подметил вспыхнувший румянец на лице Андрея, заблестевшие глаза, услышал и мысленно зафиксировал любовные, мягкие интонации в голосе при обращении к Марине. От внимания следователя не ускользнуло и то, что Андрей в эти минуты как бы забыл о себе. Он видел только Марину, тянулся к ней, говорил для нее, искал в ней поддержку, сочувствие, хотел услышать ласковое слово.

«...Понимаешь, Маринка, черт знает в чем меня обвиняют. Это даже смешно подумать...»

Нет, эта неуклюжая, вырвавшаяся у юноши фраза не была игрой. Она была сказана искренне, более того, по-мальчишески озорно и недоуменно. И он, Николай Петрович Куликов, следователь с немалым житейским опытом, обычно сам «стреляющий» в адрес излишне чувствительных коллег, понял в эти минуты, что все идет не так, что схема, созданная им, разваливается, словно картонный домик, что надо вернуться к началу пути и вновь критически переосмыслить, казалось бы, уже найденные большие и малые истины.

До крайности усталый, Николай Петрович только под утро прикорнул на часок. Он записал нерешенные вопросы, спорные положения, некоторые выводы и с этим багажом сразу же отправился к прокурору. Николай Петрович хотел обо всем рассказать и не только рассказать. Он должен был вслух думать, чтобы присутствующий при этом человек мог подметить изъяны, неточности, увидеть то, что не увидел он.

Сергей Сергеевич знал «методу» Куликова. Он отложил бюллетень, плотнее устроился на диване и приготовился слушать.

— Когда мы приехали на квартиру Мухина, окно в комнате было открыто,— так начал Куликов.— С момента убийства и до нашего приезда в комнату никто не входил. Следовательно, окно было открыто до совершения убийства или в момент его. Нужно ли было открывать окно Зотову? Нет. Ведь он вошел и вышел через дверь, и потом вот что записано в протоколе: «Я вырвал пресс-папье из рук бушевавшего хозяина, швырнул в сторону, а самого толкнул к окошку. Хорошо еще, что окно закрыто было, а то вылетел бы старик в сад».

— Вы верите этому заявлению Зотова?

— Да.

— Хорошо,— согласился прокурор,— значит, во время ссоры незваного гостя с хозяином окно было закрыто?

— Выходит, что так.

— А потом его кто-то открыл?

Николай Петрович молча пожал плечами и продолжал:

— Мухин убит ударом пресса в затылок. Мизансцена действительно странноватая, если учесть к тому же местоположение труп.

— Где вы обнаружили труп?

— В пяти шагах от окна. По показаниям Зотова, он отбросил Мухина, и тот упал на подоконник. Каким же образом труп оказался посреди комнаты?

— Дальше,— попросил прокурор.

— Любопытны результаты экспертизы. Мне зачитал их по телефону Гончаров. Оказывается, анонимное письмо писал мужчина левой рукой. Вряд ли человек, пожелавший помочь следствию, будет скрывать свою фамилию да к тому же менять почерк. Вернее всего, нам кто-то подбросил еще одну улику против Зотова и, как часто в таких случаях бывает, перестарался.

— Логично.

— И вот извольте видеть: после всех этих неувязок я получаю признание Зотова в убийстве.

— Не после, а до того, как вы сами в этих неувязках разобрались.

— Верно, Сергей Сергеевич. Факты взбунтовались.

— И правильно сделали. А что касается зотовского признания, то ведь фактическая проверка признания обвиняемым своей вины обязательна. Помните, сколько бед и зла принесла нам теория о том, что признание — царица доказательств. Ведь вы не верите сейчас признанию Зотова?

— Не могу поверить, хотя, по совести, и хотелось бы. Произошел типичный психологический шок. Парень сломался и заговорил, не думая. В ту минуту ему было все равно. Еще бы, ведь Марина тоже не верит ему, клянет, обвиняет. Вот что для него самое страшное. Нет любимой, кончилась жизнь.

— Вот что, Николай Петрович, — сказал прокурор. — Нужно выяснить ряд чрезвычайных подозрительных обстоятельств. И в первую очередь где, в какой точке комнаты убит Мухин? Каково было взаимоположение потерпевшего и нападающего в момент удара?

— Заключение экспертизы пришло, Сергей Сергеевич. Мухину был нанесен удар, когда он лежал на подоконнике. Затем его труп оттащили от окна.

— Понятно. Ну, а злополучное орудие убийства? То оно вылетело в окно, то найдено в урне. Над делом надо еще крепко работать. Я не преклоняюсь перед кажущейся гармонией свидетельских показаний, но отбрасывать без проверки то, что сказали Капитонова и Марина Мухина, тоже нельзя. Так что давайте не торопиться. И еще одно: мне позвонил Гончаров. У него есть дополнительные материалы по делу.

Глава 9

ВТОРАЯ ВСТРЕЧА

Лунев огляделся. Все без перемен. Заляпанные столики, сильный дым под потолком, полупьяный говорок, внезапно вспыхивающая и гаснущая брань, толстый буфетчик с заплывшими, но зоркими глазами. Все, как раньше, и все не так.

Виктор запомнил разговор с подполковником.

— Конечно,— сказал тот,— твоей непосредственной вины в убийстве Мухина нет. Никто тебе дела пришивать не собирается. Ты пешка, которую двигали с клетки на клетку матерые преступники. Но, если поглубже разобраться, ты все-таки в какой-то мере их сообщник и соучастник. Подумай и прикинь сам. Ты знал, что скупщику Мухину принесут жемчуг, вернее всего, краденый жемчуг, знал и скрыл. Продал доброе имя рабочего человека за десятку. А твой дружок Лаше, небось, новое дело для тебя готовит. Да ты не отмахивайся: дружок он твой, другого названия не подберешь. Завтра пошлет он тебя еще куда-то, еще кого-то по твоей наводке прирежет, что же, и в этом случае твоя хата будет с краю? Умоешься — и в сторону? Не выйдет! По всей строгости закона как наводчик ответишь. Вот так и получается, что катится со ступеньки на ступеньку Виктор Лунев, сменивший завод и доброе имя Луневых на пивнушку и уголовников.

Виктор сидел нахохлившись, как исклеванный молодой петушок.

— Неужто и дальше так жить будешь? — спрашивал Гончаров. — Не надоело в грязи барахтаться, по обочине дороги шагать?

Говоря это, Гончаров наблюдал за парнем. Он видел дергающиеся губы — вот-вот расплечется, мелкие бусинки пота на лбу.

Разговор продолжался три часа. Многое было обговорено за это время. Подполковник ничего не утаивал, не хитрил. В задум-

манном и разработанном им оперативном плане Луневу отводилась немалая роль. И Гончаров перед тем, как окончательно скомандовать: «Иди и действуй!» — снова выверял прочность «креплений», чтобы в самые трудные часы и минуты ничто не подвело и не заело.

Первый, кто увидел Виктора и громогласно приветствовал его, был буфетчик.

— Здравствуй, хлопец! Что поздно, маманя не пускала? — И захохотал, довольный собственной остротой.

Кругом знакомые лица. Кое-кто дружелюбно улыбался. Иные, помахав руками, продолжали раздирать сухую, как доска, воблу, допивать пиво и «давить» принесенные четвертинки. Яши в павильоне не было. Не пришел он и через час и через два. Наконец Виктор решился, подошел к буфету и негромко спросил:

— Александр Степанович, что-то Якова Васильевича нет, не заболел ли?

— Беспокоишься, — хохотнул буфетчик, — тебе-то что? Чужая хворь — чужие заботы.

— Надо должок получить.

— Скажи, пожалуйста, с тузами связался!

Буфетчик проявил явную заинтересованность. Он перегнулся через стойку и с любопытством оглядел Виктора. Но тот не склонен был к дальнейшему разговору и медленно вернулся к своему столу. Прождал еще с полчаса и решил уходить. Посетителей набралось порядочно, и, прокладывая дорогу к двери, Лунев не мог заметить пристального, тяжелого взгляда, которым провожал его толстый буфетчик.

До дому рукой подать. Возле дома пусто. Дождь разогнал ребят, и четырехугольник двора, тускло освещаемый светом из незашторенных окон, кажется мрачноватым.

— Здоров, Витек!

От неожиданности Виктор вздрогнул и отпрянул в сторону. В черном пролете, возле урн с мусором, от стены отделился человек. Лаше!

— Ты один? — Голос Лаше звучал хрипловато, но ласково.

— Ух, и испугали вы меня! Что вы тут делаете?

— Тебя жду. Ты один?

— Один.

— На хвосте никого не приволок?

— На хвосте? — прикинулся удивленным Виктор. — А что я за птица такая, чтобы у меня на хвосте кто сидел?

— Ты-то не птица, — усмехнулся Лаше, — да за тобой ястребок. Выкладывай: у старика был?

— А как же, — обидчиво проговорил Лунев. — Спасибо, удружил. Десятку-то мне на том свете получить придется. — Поч-

ти дословно Виктор повторил фразу, сказанную подполковником.— Старика какой-то пижон до моего прихода прихлопнул.

— Убили? Не может быть!— удивился Лаше.— А ты в дом заходил?

— Нет. Там милиции полным-полно. Я, как услышал, что старик преставился и что кругом легавые, сразу деру дал.

Лаше молчал. Его желтоватые, поблескивающие зрачки, не мигая, уставились на парня.

— Ладно, — сказал он наконец, — а где ночью болтался, куда от старика пошел? Дома тебя не было.

— В воскресенье? Точно, не было,— охотно согласился Лунев.— Скучно одному. Маманя еще не приехала. К сестре пошел ночевать. А сегодня в кино ходил. Вечером в бар сунулся, хотел Якова Васильевича повидать. Не было его там.

— Болен Яков Васильевич. А зачем он тебе?

— Да я все насчет десятки. Хотел у него попросить, не знал, что сегодня вас встречу.

— Жаден ты, парень, ух, как жаден,— усмехнулся Лаше.— Это ничего, это неплохо. Так, может, тебе Яшкин адресок дать?

Лунев чуть было не согласился, но в памяти, словно молния, промелькнуло: «...никакого интереса, ни к кому...»

— Обожду. Десятка, оно, конечно...

— Получишь свою десятку,— оборвал Лаше, — через денек-другой встретимся.

— Да чего встречаться,— неохотно отозвался Виктор,— ни к чему мне это. Вы уж меня в свои дела не втравливайте. Я сам по себе, вы сами по себе

— Ладно, потолкуем еще. Прощай.

Лаше шагнул во двор, к маленькому, притулившемуся в глубине деревянному одноэтажному домишке, проходные сенцы которого вели в соседний переулок.

Спустя час с небольшим Гончаров вместе с Загоруйко подвели итоги истекшего дня.

— В основном парень держался неплохо.

— Как будто так. Но на Лунева мы ставим точку. Сейчас, как говорят боксеры, поведем игру с тенью!

— Бой с тенью, Федор Георгиевич, — поправил Загоруйко.

— Ну, значит, не совсем по-боксерски, — невозмутимо продолжал Гончаров.— Ты беседовал с Мухиной? Что-нибудь попало у них?

— Она до сих пор не может найти шкатулку, в которой отец хранил драгоценности. По памяти составила опись. Там были два кольца, сережки, нитка жемчуга.

— Пусть ищет, но вряд ли она ее найдет.

РЕТРОСПЕКТИВНАЯ

Со стороны могло показаться, что трое взрослых мужчин разыгрывают забавное представление или, того смешнее, затеяли нехитрую детскую игру, чем-то напоминавшую прятки. Один из них, тот, кто помоложе, стучался в дверь, стремительно открывал ее, другой в это время садился на диван, а третий, невысокий, плотный и возрастом постарше остальных, прятался у стены между окном и пузатым шкафом и, чтобы удобнее примоститься, чуть отодвигал шкаф от стены. Он прятался до того искусно, что увидеть его вновь пришедшему, находящемуся в другой половине комнаты, было невозможно. На этом игра не кончалась. Убежавший начинал ругаться с сидевшим на диване. В свою очередь, последний отвечал ругательствами, потом, вскочив, в сердцах хватал со стола карандаш и бросал в сторону пришедшего.

Так повторялось несколько раз, а прятавшийся за шкафом все это время стоял, плотно прижавшись к стене, и только когда один из спорщиков убегал из комнаты, он осторожно выбирался из своего укрытия, и игра продолжалась уже вдвоем.

Усердие и старательность неопытных актеров у постороннего человека могли вызвать улыбку, но сами исполнители были предельно серьезны и сосредоточенны.

— Думается мне, так все и произошло,— подытожил игру Федор Георгиевич Гончаров, исполняющий роль человека за шкафом.— Володя, у тебя не возникло подозрения, что в комнате еще кто-то есть? — обратился он к Загоруйко.

— Нет, товарищ подполковник. Я даже глаза скосил в вашу сторону, когда выбегал. Ничегошеньки не видно.

— Что скажете, Николай Петрович? — Гончаров с интересом глянул на Куликова.

— Выглядит убедительно, — признался тот, — но возникает много «но».

— Что именно?

— Ни на окне, ни внизу, под окном, не обнаружено никаких следов. Странновато.

— Не столько странно, сколько квалифицированно,— улыбнулся Федор Георгиевич.— По-моему, все разворачивалось так. Пользуясь стулом или другой находящейся в комнате вещью, преступник слегка отодвинул труп от окна, затем с помощью пресс-папье открыл ветхий затвор оконной рамы — я проверил, затвор действительно ветхий — и, не дотрагиваясь до подоконника, одним махом выпрыгнул в сад. Внизу асфальтированная

дорожка, она опоясывает дом и тянется к калитке. Все это оказалось на руку преступнику. Асфальт, дождь — и без того слабые следы оказались смытыми и затоптанными.

— А следы на пресс-папье? Ведь оно немало времени было в руках убийцы.

— Лучше, если бы он сразу его бросил. Но преступник хитер, а главное, хладнокровен. До того, как опустить пресс-папье в урну на углу Ново-Ладыженского переулка, он чистил и скоблил его. Стер следы, правда, за исключением кровавых пятен.

— Федор Георгиевич, вы обо всем этом говорите так уверенно, словно исключается любой другой вариант, а ведь пока это еще только догадка, так сказать, предположение, — усомнился Куликов.

— Правильно. Пока еще догадка. Но я не вижу основания браковать ее. Она многим подкреплена, хотя и таит в себе еще немало нерешенного.

— Вот-вот... — подхватил Куликов. — Я прекрасно понимаю, вы идете по следу Лаше и этого, как его... Пузача. У вас имеется убедительный аргумент — показания Лунева. Но вы не учли существенных деталей: где жемчуг; как Лаше, никем не замеченный, оказался в квартире; почему старик Мухин впустил Зотова, не будучи один? Почему, наконец, шкаф, за которым якобы прятался Лаше, сдвинут с места?

— Почему, почему? — протянул Гончаров. — Если бы я мог ответить на все эти «почему», мы бы уже давно с вами взяли отгул за неиспользованные выходные дни.

Глава 11

БЕГСТВО ЛУНЕВА

Ночью Луневу снились кошмарные сны. То в темной подворотне его загонял в угол Лаше и вытаскивал огромный, почему-то желтый нож, то виделся Семен Мухин, сидевший на полу и сердито грозивший пальцем. Потом замелькали столики пивного бара, смеющийся буфетчик, бегущий следом оперативник в белой рубашке. Виктор хрипел, метался, бормотал невнятные слова, в конце концов вскакивал и некоторое время сидел на диване, тяжело дыша и уставившись в одну точку. Чуть успокоившись, он ложился, снова засыпал, и все начиналось сызнова.

В баре посетителей еще не было. Лунев пришел первым. Безлюдное, полутемное помещение знакомого полуподвальчика слегка успокоило вконец расшалившиеся нервы. За прилавком

копошился буфетчик, в зале скребком и веником орудовала уборщица тетя Феня. Виктор быстро прошагал к буфету и, перегнувшись через стойку, хриплым от волнения голосом попросил:

— Дядя Саня, да оторвись ты, разговор есть.

Буфетчик отозвался не сразу. Минуту-другую он еще передвигал бутылки, гремел посудой, потом обернулся и с удивлением воззрился на парня.

— Витек, ты что это спозаранку? Не работаешь, что ли?

— Потом, потом, — нетерпеливо перебил Лунев. — Разговор есть серьезный. Я к тебе, как к отцу родному. Не с кем мне больше...

Недоверчиво хмыкнув, буфетчик приоткрыл створку прилавка, пропустил к себе Виктора и вместе с ним прошел в крохотную заднюю комнатуньку, видимо, служившую одновременно и складским помещением и бухгалтерией.

— Сидай, хлопец, — показал он на колченогий стул в глубине комнаты, сам взгромоздился на бочонок, смачнув с него несколько листов бумаги. — Что стряслось? Да на тебе лица нет. Мать померла?

— Жива мать, в санатории отдыхает. Не о ней разговор. В беду я попал, да в такую, что не знаю, унесу ли ноги.

И, не ожидая дальнейших расспросов, Виктор поведал буфетчику все, что случилось с ним за последние три дня. Торопливо, но обстоятельно рассказал о поручении Якова Васильевича, о посещении в тот же день старика Мухина, о встрече с Лаше и полученных деньгах, о том, как был «зацапан».

Оперативники с Петровки, 38, выглядели в пересказе Лунева всезнающими и всевидящими.

— Они мою житуху во как изучили — от корки и до корки! — не без хвастовства сказал Лунев, а потом признался, что, боясь, как бы ему не пришили дело, выложил на допросе большому начальнику по имени Федор Георгиевич все о Мухине, о Якове Васильевиче и о Лаше.

— Зря болтал, — осуждающе покачал головой буфетчик. — За такое знаешь что бывает... У ребят руки длинные. Дурак ты, парень, сам на нож лезешь.

— Понял я это, дядя Саня, да уже поздно. Как вчера ночью у дома в воротах встретил Лаше, чуть от страха не помер. Страшный он человек, настоящая тигра.

— Ах, вот как, Лаше встретил! О чем он тебя спрашивал? — оживился буфетчик.

Выслушав Виктора, он почесал затылок.

— И чего тебе, теленку, понадобилось с хищником дружбу сводить! Вот что, голуба, мотай из города. И чем быстрее, тем

лучше, пока цел.— Буфетчик тяжело поднялся.— Здесь вый-
дешь.— И он толкнул маленькую дверцу в углу комнатухи.

Лунев ушел.

В этот вечер буфетчик недолго пробыл в баре. Сославшись на семейные дела, он передал хозяйство тете Фене и рано ушел с работы.

Щелкнул замок, звякнула цепочка второго для надежности запора, и обитая войлоком дверь неслышно открылась. На пороге стоял Яков Васильевич. Одетый в цветной плюшевый халат с кистями, в шлепанцах на босу ногу, простоволосый и небритый, он напоминал запившего купца.

— Александр Степанович! Какими судьбами в наших краях? — засуетился Яшка.— Чем обязан? Прошу, прошу...

Гость ответил не сразу. Вошел, огляделся и негромко спросил:

— Есть кто дома?

Яков Васильевич мотнул головой. Ему не терпелось побыстрее узнать причину столь неожиданного прихода. Но гость не спеша потянулся к дивану, где в беспорядке лежали беговые программки, наугад взял одну и стал листать.

— Скажи, пожалуйста... Апикс-Ганновер. — И многозначительно покрутил головой.

— Сыграть хотите, Александр Степанович? Для вас все сделаю... Можно наверняка.

— Не до этого, Яков Васильевич, дело у меня к тебе куда серьезнее, чем эта шарашкина фабрика.— Он кивнул в сторону программ.

— Что случилось? — В голосе хозяина прозвучала тревога.

— Только что у себя в баре услышал я одну поганую историю. Пришел предупредить. Уж не знаю, будешь ли ты и твой дружок мне благодарны. Серьезное дело.

— О чем разговор! Услуг я никогда не забываю и не торгуюсь.

— Лады! И по этому пунктику, значит, договорились.

— Что случилось?

— Витьку Лунева знаешь?

— Какого Лунева? Пацана этого? Видел.

— На другой день после убийства Мухина уголовный розыск взял его. Раскололи парня. Выложил он им все, что знал: и про твое поручение зайти к Мухину и про посещение Лаше мухиновской квартиры...

— Сволочь! — сквозь зубы процедил Яков Васильевич.

— При чем тут мальчишка! Зачем сволочишь? Его Федор Гончаров допрашивал.

— Гончаров?! — упавшим голосом повторил Пузач.— Да, против такого Витьке не выстоять. Не по плечу.

— То-то и оно! Придется сматываться, Яков Васильевич.

— Это почему же? — вскинулся хозяин. — Я слышал, что старика дочернин хахаль убил. Я-то тут при чем?

— Тебе виднее, — флегматично ответил буфетчик и потянулся к беговой программке.

— Хватит ерундой заниматься, — не выдержал Пузач. — Говори все, что слышал. Ведь знаешь, за мной не пропадет.

— Знаю. Вот я и пришел обо всем рассказать, да, видать, тебе неинтересно. Чего ты мне комедию ломаешь: дочернин хахаль... Я, мол, ни при чем... Кому мозги вкручиваешь?! Или, думаешь, Гончаров хуже тебя соображает?

— Ты меня не коли, — огрызнулся Пузач.

— А мне-то что? — усмехнулся гость. — Я к тебе по старому знакомству наведалься. Знаю, калач ты тертый, в разных переделках бывал. Устоишь. Да не хлипкок ли твой помощничек?

— Клеить мне никого не надо. Он сам по себе, я сам по себе. А вообще за Ремку не тревожусь. Он у меня во где! — Яков Васильевич сжал мясистый кулак. — В огонь за меня пойдет, скажу, чтобы утоп, — утопнет.

— Ври, да не завирайся, — недоверчиво протянул Александр Степанович.

— А что, точно! — пуще прежнего распалился Пузач. — Если бы не я, знаешь, где бы Ремка сейчас находился?

— Меня ваши дела не интересуют, — оборвал гость. — Смотри, как бы самого не упекли. И зачем на мокрое дело полез?

— Какое мокрое? Чего мелешь? — Хозяин боязливо огляделся по сторонам.

Гость не ответил, отмахнулся, как от назойливой мухи: опять, дескать, свое.

Яков Васильевич долго, неотрывно смотрел на буфетчика, потом решительно встал, вышел в соседнюю комнату, повозился где-то в сенцах и вернулся, неся в руке два кольца.

— Хотя за мной ничего такого нет, но Яшка услуг не забывает. — Он протянул кольца буфетчику. — Подбери хорошего покупателя. Что выручишь — пополам.

— Добре, — без особого энтузиазма согласился гость и сунул кольца в карман. — Вот это уже подходящее дело, а ты обмозгуй, что к чему.

Проехав в трамвае несколько остановок, Александр Степанович вышел, поискал телефон-автомат, зашел, плотно прикрыл за собой дверь кабины и набрал нужный номер. Раздался характерный щелчок. На другом конце города кто-то поднял трубку.

НЕОЖИДАННЫЙ ВИЗИТ

Сергей Сергеевич вновь перечитал дело — следовало кое-что освежить в памяти, — посмотрел на стенные часы — что-то опаздывает подполковник — и потянулся к звонку, чтобы пригласить к себе Николая Петровича Куликова и вызвать подследственного.

Только очень наблюдательный человек сумел бы подметить едва уловимые изменения, происшедшие в поведении Зотова. Он вошел, держа руки за спиной, слегка сутулясь, не поднимая глаз.

Обычно безразличный ко всему, что происходит вокруг, Зотов сейчас даже не пытался скрыть удивление при виде нового человека, с откровенным любопытством разглядывавшего его.

— Как на медкомиссии, — невесело пошутил он.

— А что же, удачное сравнение, — улыбнулся прокурор, — мы сейчас и есть медкомиссия, и диагноз нам нужно поставить быстро и точно.

Зотов никак не реагировал на реплику. Задумавшись, он смотрел в открытое окно.

— Вот что, гражданин Зотов, — уже резко продолжил прокурор. — На прошлом допросе вы заявили, что убили Мухина. Всякое признание обвиняемым своей вины должно быть подкреплено фактами. Таких фактов мы не нашли, более того, вы запутали дело. Чем вы при этом руководствовались, я могу только догадываться. А ваше поведение сравнимо лишь с поведением истерика.

— Спасибо за сравнение, — глухо сказал Зотов и опустил голову.

— Благодарить, скажем прямо, не за что. Да и от нас ты вряд ли благодарность услышишь, — перешел на «ты» Сергей Сергеевич. — Целую неделю следовательно голову морочишь. Мутная страстишка заслонила все: и логику и разум. Вначале все отрицал, потом в молчанку играл, потом завопил: вяжите, я убийца! Хорош бы ты был, если бы мы формально подошли к делу, не цацкались с тобой.

— И правильно сделали бы.

— Некрепкий у тебя характер, скисаешь в минуты беды. А то, что по твоей милости по советской земле бандит ходит, что за эти дни он еще кого может убить, это тебя не касается.

— Не убивал я... — негромко сказал Зотов и поднял голову. — Можете не верить, не убивал.

— Так какие же твои показания в конце концов правильны:

те, которые ты дал на очной ставке, или те, которые даешь сейчас?

— Не убивал я.

— Может быть, тебя принуждали давать показания, угрожали?

— Никто мне не угрожал.

Наступило молчание.

Опоздавший к началу разговора и поэтому примостившийся на стуле возле двери подполковник Гончаров спросил:

— Скажите, Зотов, когда вы вошли, вернее, вбежали в комнату Мухина, вы никого там не застали?

— Никого.

— Окно было открыто?

— Нет, закрыто. Это я точно помню.

— А платяной шкаф тоже закрыт?

— Не помню, по-моему, да,— после короткого раздумья ответил Зотов.

— На столе у Мухина вы не заметили чего-нибудь такого особенного?

— Нет.

— Скажем, каких-нибудь драгоценностей?

— Нет.

— Где был хозяин, когда вы вошли?

— Сидел на диване.

— Повторите все, о чем вы говорили с Мухиным.

Однако допрос пришлось прервать. В кабинет вошел секретарь и о чем-то тихо доложил прокурору. Судя по округлившимся глазам Сергея Сергеевича, секретарь сообщил что-то весьма интересное. Когда Зотова увели, прокурор поочередно оглядел Гончарова и Куликова и произнес негромко:

— Еще один сюрприз. В приемной дожидается Лаше. Он хочет дать показания об убийстве Семена Мухина, очевидцем которого непосредственно является. Что скажете?

Отозвался Гончаров:

— Сергей Сергеевич, я крепко просчитался. Давайте посмотрим спектакль, приготовленный нам Лаше.

В сером костюме модного покроя, в узких замшевых туфлях, с ярким галстуком, Лаше напоминал манекенщика на демонстрации новых образцов одежды. Он вошел уверенно, улыбнулся присутствующим и направился к столу, где его стоя ждал Сергей Сергеевич.

Без запинок, будто выученный урок, Лаше рассказал о своем посещении квартиры Мухина. Рассказал о том, что бывал у него раньше, когда трудно было с деньгами.

— Мухин — ростовщик, скупщик ценностей.

Лаше принес ему нитку жемчуга. Недавний подарок матери. Он берег родительский дар, сколько мог, но сейчас трудно с деньгами, и решил продать. Почему не отнес в комиссионный магазин? Мало платят.

Лаше пришел к Мухину в девять часов вечера. Отворил сам Семен Федотыч. Гончаров мысленно зафиксировал, что в этом вопросе Лаше точен. Соседка в девять часов еще не вернулась из церкви. А дальше? Дальше гость и хозяин прошли в комнату, и начался торг.

— Я еще днем подослал к Мухину одного паренька,— пояснил Лаше,— предупредить о своем приходе, назвать цену жемчуга.

— Какую?

— Пятьсот рублей. Я завысил цену, зная по прошлому, что старик будет торговаться, как окаянный. Но деловой разговор был сорван каким-то бешеным, ворвавшимся в комнату.

Со слов Лаше, он еле успел схватить со стола жемчуг и спрятаться за платяной шкаф возле стены, недалеко от окна. Затем начался непонятный ему разговор:

— Отдашь за меня?

— Не отдам.

— Убью!

— Попробуй! Вон отсюда, голодранец, рвань!..

Бешеный схватил что-то, кажется, пресс-папье, ударил Мухина и кинулся обратно из комнаты.

Лаше признался, что в этот момент он крепко струхнул. В доме его никто не знает. В руке жемчуг. Всякое могли подумать.

— Каким путем вы бежали? — поинтересовался Сергей Сергеевич.

— Через окно.

— Окно было открыто?

— Да.

— А куда дели жемчуг?

— Я же сказал: схватил его, когда прятался за шкаф. Вот он.— Лаше вытащил из кармана и положил на стол нитку с тускло поблескивающими горошинами.— Семейное, можете проверить.

— Зачем же? Мы вам верим...

— А почему вы прятались? — задал вопрос Куликов.

— Не знаю,— признался Лаше.— Семен Федотыч махнул мне рукой, когда постучали в дверь. Показал в сторону шкафа, дескать, туда... Он не хотел, чтобы меня кто-то увидел.

— Зачем вы сюда пришли, Лаше? — неожиданно спросил Гончаров.

— Я узнал от паренька, которого посылал к Мухину, что

старик убит. Вначале я думал, что бешеный просто стукнул его и он потерял сознание. Можете не верить, но это так. А раз человек убит, значит, начался розыск и следствие. Я не хочу покрывать убийцу и не хочу, чтобы подумали, будто я прячусь. Попадать в поле вашего внимания не особенно приятно, ну, а уж коли пришлось, так с открытым сердцем.

— В каком месте комнаты упал от удара Мухин?

Лаше чуть помедлил:

— Возле дивана, ближе к двери.

— Я вас попрошу,— вмешался прокурор,— опишите все, что на ваших глазах произошло в комнате Мухина. Не торопясь, обстоятельно. Если что запомнили, так и пишите.

— Да вроде все помню. Не каждый день человека на глазах убивают,— отозвался Лаше.— Давайте бумагу, я мигом.

Примостившись в отдалении у журнального столика, Лаше начал писать.

Несколько минут Гончаров с откровенным любопытством разглядывал его, потом наклонился к прокурору и сказал шепотом:

— Дело в том, Сергей Сергеевич, что этот пижон не только не убивал, но даже не был в квартире Мухина. Он лжесвидетель.

Глава 13

И ПОСЛЕДНЯЯ

Рано утром четвертого дня подполковник вызвал Загоруйко, приказал ему ехать к Якову Васильевичу Луханцеву и привезти того в управление.

— Скажешь, что приглашает Федор Гончаров. Мы с ним старые знакомые, не раз встречались. Объясни, что после того, как в прокуратуре побывал Рем Лаше, необходимо уточнить некоторые детали и что без него мы как без рук.

В одиннадцать часов оперативная «Волга» ушла на задание, а Федор Георгиевич, усевшись за стол, начал перечитывать последние документы по делу Мухина. Таких документов было два. Начальник горотдела милиции сообщал с далекого юга подробные данные о Реме Лаше. Две недели назад мать Лаше, бомбардируемая телеграммами сына: «Немедленно шли деньги»,— отправила в Москву «своему мальчику» нитку жемчуга, который берегла на черный день.

Значит, здесь все оказалось в порядке.

Вторым документом, полученным несколько дней назад, подполковник ставился в известность о том, что интересующий его

человек в воскресенье, в день убийства Мухина, сразу же после окончания рысистых испытаний с компанией завсегдаев ипподрома находился в ресторане «Бега» до его закрытия.

Теперь можно было подытожить результаты оперативных странствий. Они начались с посещения Загоруйко Ново-Ладженского переулкa. Марина Мухина не ожидала столь раннего визитера. Она была еще в халатике, непричесанная. Старшего лейтенанта Марина встретила холодно. Сдержанно ответила на приветствие и с неохотой пропустила в комнату, где царил беспорядок.

Загоруйко пробыл у Мухиной не более часа. Его интересовали вопросы, вначале вызвавшие недоумение, испуг, растерянность у молодой хозяйки. К примеру, вопрос о побочных доходах покойного отца. Конечно, кое о чем Марина догадывалась, а как же иначе: жить вместе и не знать! К тому же в редкие минуты откровенности Семен Федотыч поговаривал, что его Маринша — богатая невеста, но дальше подобных разговоров не шло. Попытки дочери разузнать побольше отец обрывал кратким: «Не суйся! Не твоего ума дело!»

Исчезнувшая шкатулка, о которой в свое время она сообщила старшему лейтенанту, так и не была найдена. Марина по просьбе Загоруйко очень обстоятельно и толково рассказала, что находилось в шкатулке, какой формы и с какими камешками были исчезнувшие кольца.

Прощаясь с утренним гостем, Марина между прочим поинтересовалась:

— Вот вы говорите, что настоящего убийцу ищете. Значит, этот, как его... Зотов не виноват? — Спросила безразлично, будто о постороннем человеке.

— Выходит, что не виноват, — буркнул в ответ Загоруйко. Ему не хотелось распространяться на эту тему.

...Виктор Лунев в Москву еще не вернулся. Дверь открыла соседка, пожилая женщина. Торопливо вытирая о фартук руки, она встретила Федора Георгиевича как старого знакомого.

— Проходите, пожалуйста. А я-то думаю, тревожусь, куда это запропастились! Просьбу вашу я еще тогда выполнила.

— Спасибо, Елена Николаевна. — Гончаров крепко жал влажную руку.

А просьба подполковника оказалась не из легких. После того, как был задержан и доставлен на Петровку, 38, Виктор Лунев и сразу же, на первом же допросе, обо всем рассказал, Гончарова поразила одна несуразность. С какой стати, подумал он, Лаше посоветовал парню на следующее утро навестить старика Мухина и выпросить у того еще десятку? С какой стати преступник (а тогда подполковник не сомневался, что им являет-

ся Лаше) вторично посылал на место преступления, по существу, постороннего человека? Ведь этот человек мог стать и в конечном счете стал опасным свидетелем. И Гончаров напряженно искал объяснения этой вопиющей несуразности. Искал и нашел. Убийство Мухина заранее не готовилось. Решение убить возникло у преступника стихийно, в силу каких-то внезапно пришедших причин и обстоятельств. А коли так, то явилось вполне логичным и желание убийцы — предотвратить второе посещение Луневым квартиры Мухина. Каким образом? Очень просто. Сразу же после совершения преступления прийти домой к Луневу и любым способом воспрепятствовать его поездке в Ново-Ладыженский. Но Виктор в ту ночь дома не ночевал, поехал к сестре. Кто знает, может, в этом заключалось даже его спасение?

Итак, преступник торопится к Луневу. Естественно, что сам он в квартиру к нему не пойдет, а кого-то попросит, чтобы вызвали парня. Кого? С этим вопросом несколько дней назад и обратился Федор Георгиевич к соседке Луневых Елене Николаевне.

Женщина выполнила задание.

Да, в тот самый вечер Виктора спрашивал какой-то неизвестный мужчина. Мужчина зашел во двор дома и обратился с просьбой к одному из «забивальщиков козла», сражавшихся при свете керосиновой лампы, вызвать Лунева. Узнав, что Виктора дома нет, женщина извинился и ушел. Каков он с виду? И об этом Елена Николаевна дала точную информацию.

Так был снят еще один вопросительный знак.

Дважды за эти дни Гончаров побывал в пивном баре. Первый раз зашел, огляделся, постоял за столиком, не торопясь выпил кружку пива, умело расправился с воблой и ушел, вроде ничего не добившись.

Второй раз задержался дольше. Малозначительный разговор о том, о сем перевел на интересующих его людей. Стал расспрашивать о Якове Васильевиче, о Лаше. О Якове посетители отзывались с почтением: щедр, обходителен. Лаше никто не знал.

Уходя, Федор Георгиевич коротко побеседовал с тетей Феней и, пожалуй, единственного, кого не удостоил вниманием, так это буфетчика. Даже не взглянул в сторону Александра Степановича, будто не человек за прилавком, а так, тень, пустое место.

Оперативные странствия закончились утром в воскресенье визитом на ипподром. К тому времени Федор Георгиевич располагал данными, где открыл свой, частный «филиал» кассы букмекер Яков Луханцев. Подполковник знал также, что сегодня на бегах Пузача не будет.

У словоохотливых соседей Федор Георгиевич выяснил, что

за последнее время Луханцеву не везло, что сам он играл очень крупно и «горел». Здесь старожилы хорошо знали и Лаше.

— Это студентик-то? Азартный, чертяка, да своих денег нет, все от Яшки кормится!

— Дело близится к развязке, Николай Петрович,— сказал Гончаров сидевшему неподалеку от письменного стола Куликову.— Яков Луханцев доставлен сюда.

— У меня к вам просьба, Федор Георгиевич: проведите вы первый допрос. Даже не допрос, а разговор. Рассчитывать на быстрое признание Луханцева не приходится. Мне хотелось бы посмотреть к нему.

Яков Васильевич вошел в кабинет подполковника милиции, держа в руке небольшой кулек.

— Здравствуйте, Федор Георгиевич.— Он чинно поклонился и подошел ближе.

— Присаживайтесь.— Гончаров показал на стул.

Яков Васильевич положил кулек на край стола и пояснил:

— Симочка прислала. Домашние соления. Много хорошего о вас она от меня наслушалась.

— Когда это вы успели семьей обзавестись? — недоверчиво спросил Гончаров.— Вы же принципиальный холостяк, все больше по молодым да по новеньким...

— Было, да сплыло,— вздохнул Яков Васильевич.— Кто в молодости не пошаливал! А жениться я действительно не успел. Есть одна на примете, Симочка, вдова, живет неподалеку. Мы с ней пока что по-граждански. Приглядываемся друг к другу. Люди немолодые, привыкнуть надо.

— Это верно,— согласился Гончаров.— Вот я уж на что к вашему брату привык, а тоже иногда диву даюсь, до чего же многие из вас любят разные фортели

— Это точно, пошаливают ребята,— сочувственно поддержал Яков Васильевич.— Непонятно, что людям надо. Неужели колонии и пересылки не надоели! Лично я, Федор Георгиевич, завязал. Возраст не тот, здоровье сдало. Теперь на ночь Шарку принимаю. Сами знаете, какая жизнь за плечами...

— Бурная жизнь, ничего не скажешь,— поддержал Гончаров и продекламировал: — «А он, мятежный, просит бури, как будто в бурях есть покой...»

— Михаил Юрьевич Лермонтов. Гениальный русский поэт, ниспровергатель...— с почтением произнес Яков Васильевич.

— Литературой увлекаетесь? — любопытно спросил Гончаров.

— Почитываю малость. В наше время без этого пельзя, Федор Георгиевич.

— Небось, детективы главным образом!

— Не уважаю. Исторические люблю. Мемуары тоже.

— Жаль, а то я хотел вам одну невыдуманную детективную историю рассказать. Может, когда в мемуарах опишете.

— Веселый вы сегодня, Федор Георгиевич, разговорчивый,— ощерился в улыбке Яков Васильевич.— К добру ли?

— Думаю, что нет,— вздохнул Гончаров,— да и о каком добре может идти разговор с убийцей, который к тому же свою вину на невинного свалить хочет!

— Что-то перестал я вас понимать, Федор Георгиевич. Раньше вы вроде яснее выражались.

— Раньше и ты яснее был, Пузач,— резко переменял манеру разговора Гончаров.— Ведь вот весь как на ладошке был.— Он похлопал рукой по пухлой папке, лежащей на столе.— Яков Луханцев, он же Пузач, Бочонок, Котел, первоклассный мошенник, мастер аферы, в более позднее время букмекер и карточный шулер. Классическая биография, что называется, без единого пятнышка, а теперь...

— Что теперь? — огрызнулся Луханцев.— Каким я был, таким остался, гражданин начальник.

— Зачем, Яков, клевету на себя возводишь? — обиделся Гончаров.— Не могу я поверить, что в прошлом у тебя были дела вроде мухинского.

— Мухин? Из Ново-Ладыженского? Старый знакомый. Только невдомек мне, я-то при чем?

— Худо, Яков. Придется тебе за два тягчайших отвечать: и за «мокрое» дело и за то, что другому его пришиваешь.

На крутом, чуть срезанномверху лбу Пузача набухали жилы, шея медленно и тяжело наливалась кровью. Сейчас он действительно напоминал котел, kloкочущий, готовый взорваться. Встав со стула, хриплым от сдерживаемой ярости голосом он скорее прошептал, чем проговорил:

— Ай да Федор Георгиевич! Здорово получается! Значит, срочно понадобилось дело закрыть, галочку поставить. Значит, настоящий утек, замел следы, а замаранный Яшка на свободе, значит, ему и шьют. Не по-партийному получается.

— Ты партию оставь,— спокойно и тоже негромко сказал Гончаров,— не юродствуй. Сам знаешь, у меня не пройдет. Если хочешь слушать, сиди смирно. Я же тебе посулил детективную историю рассказать. Слушай и вникай. В прошлом у тебя четыре судимости, тут и воровство и мошенничество, но убийства не было. После отбытия последнего срока ты малость притих. Не то чтобы за ум взялся, нет, на том же уголовном поприще работенку почище выбрал. В карточки наверняка поигрывал, букмекерством занимался. Мы наблюдали за тобой, но не учли, что позарез тебе помощник нужен, чтобы в случае какого завала мог

прийти на помощь, выручить от мордобоя, поножовщины, ведь так у вас испокон веков водится.

Нашел ты такого человека, с виду тигренка неприрученно-го, глаза таращит, сам за нож хватается. А главное, по всем статьям подходит: тунядец, лодырь, до легкой жизни охочий, игрок и в жизни недурный актер. Все соответствовало. И началась парная езда. Луханцев людей охмурял, Лаше его из беды выгораживал. Получал за это от тебя немало и стал вроде цепного пса. Так вот, однажды Яков Луханцев потерпел крепкий финансовый урон: то ли на бегах, то ли в карты более опытный мошенник тебя обыграл. Возможно, то и другое. В общем, понадобились деньги, и немалые. Как быть? Вспомнилась давняя связь со старым скупщиком и ростовщиком Семеном Мухиным. Но Мухин — жох! Деньги за так ни за что не одолжит. Мухин мог или купить что, или под какую ценность кредитовать. А где взять эту ценность? Домашние соления под залог не понесешь. Выручил Лаше.

Прислала ему мать недорогую вещичку — нитку третьестепенного жемчуга, да продать некому, потому как ерунда, а не вещь. Взял Луханцев эту безделушку, но сам к Мухину не пошел, давненько с ним не встречался, для зондажа к старику дружка своего по пивному бару послал — Виктора Лунева. Кто знает, может, свел Луханцев с Луневым знакомство и для дальнего прицела. Может, ему еще один помощничек понадобился, не знаю. А для того, чтобы побольше страха да таинственности на парня нагнать, он его познакомил со своим подручным Ремом Лаше.

Своими повадками да намеками Рем напугал Виктора, но, когда парень передал Мухину, чтобы тот ждал Лаше с жемчугом, старик ничего не понял. Лаше он не знал, не ведал, зато Якова Васильевича хорошо помнил. И это, пожалуй, был твой первый просчет, Пузач. Первый, но не последний.

К Мухину вечером пришел ты, Яков, собственной персоной. Соседка отсутствовала, в церкви молилась, открыл старик. Когда зашел разговор о жемчуге и Мухин увидел, что ему принесли, да еще такую цену заломили, рассвирепел он. Кто-то, а старый оценщик знал настоящую цену. Разъярясь, он вытащил шкатулку и показал тебе стоящие вещи. Однако разговор пришлось прервать: в дверь бешено заколотил Андрей Зотов — приятель молодой Мухиной. Ты, Яков, спрятался за шкаф возле окна и даже чуть отодвинул его — как-никак мужик ты тучный, а старик в это время спрятал шкатулку.

Ты лучше меня знаешь, о чем шел разговор между влюбленным парнем и рассерженным стариком. Видимо, в эти секунды и родилось у тебя намерение убить хозяина. И ты выполнил его очень просто.

После бегства Зотова из комнаты, когда Мухин еще не совсем пришел в себя, ты выбрался из своего укрытия, схватил со стола тяжелое пресс-папье и размоzzжил старику голову. Потом оттащил труп от окна, чтобы не мешал тебе, схватил шкатулку, открыл окно и прыгнул в сад. В ту пору шел дождь.

Так все и произошло. Рассчитал ты точно. Все подозрения пали на Зотова. Наверное, помянул ты в тот вечер недобрым словом своего Рема за то, что посоветовал он Луневу заглянуть еще раз к старику Мухину за десяткой. Визит этот надо было предотвратить, да ничего не вышло: не ночевал дома Лунев.

А дальше все шло как по нотам. Записочку в милицию от неизвестной женщины писал ты, Яков Васильевич, левой рукой писал, и пресс-папье в урну на углу переуллка тоже ты подкинул. Казалось, полный ажур, но так только казалось. И с Витькой Луневым просчитался, думал, купил парня за обед в «Чайке» да за посулы на будущее, а паренек-то честным оказался, хотя и нескладную жизнь вел. И вот когда ты увидел, что тобой построенное здание зашаталось, решил ты его новым бревнышком подпереть. Напарника своего, цепного пса, в прокуратуру послал. Ход не столько смелый, сколько нахальный. Ничего не скажешь, вышколил ты Рема здорово, закупил его всего с потрохами, хотя в данном случае он мало что терял. У него надежные алиби было. Ведь в тот самый воскресный вечер, когда был убит Мухин, он до закрытия находился в ресторане «Бега».

Федор Георгиевич устал. Он не любил и не умел много говорить. Сейчас он затынул свой монолог, потому что хотел ударить сразу, обезоружить, смять сидевшего перед ним врага.

— Ложь все, сочинительство,— неожиданно спокойным баском отозвался Пузач и скривил в усмешке губы.— Ничего не скажешь, здорово подогнано. Да ведь доказать надо. А я не такой, чтобы в руки даваться. Не... я тертый, обкатанный. Я сегодня же заявлениище прокурору, так, мол, и так, напраслинку возвели. Ишь вы, все доказано, а шкатулка где? Шкатулочка та самая? А без шкатулки, гражданин начальник, не дело стряпаете, а, извиняюсь, мыльный пузырь выдуваете.

— Ладно, Луханцев, я свое сказал,— оборвал Гончаров.

— У вас есть вопросы, Николай Петрович?— обратился подполковник к Куликову.

— Пока нет.

Когда Якова Луханцева увели, Федор Георгиевич осведомился по телефону, может ли его принять комиссар милиции. Получив утвердительный ответ, он вытащил из ящика стола ранее заготовленный рапорт о вынесении благодарности гвардии старшине, кавалеру ордена Славы, находящемуся в запасе, Александру Степановичу Скворцову.

